

ОЗАРЕНИЕ

ИСТОРИИ И РАССКАЗЫ
ПРОКЛЯТОГО МИРА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АГИВАЛОВА АННА

Анна Агибалова

**Озарение. Истории и
рассказы проклятого мира**

«Автор»

2026

Агibalова А.

Озарение. Истории и рассказы проклятого мира / А. Агibalова —
«Автор», 2026

Антология персонажей, существующих в едином мире. Мир заполненный вампирами, оборотнями и порождениями, а так же богами. Мифология основанная на одном простом факте космологии, при создании этого мира. Сильная духовная энергия всех смертных существ, и очищение этих душ в пустоте бездны. От сюда и созданные с этой духовной силой боги. Взаимодействие этих богов, и как побочная мутация - вампиры. И последующие изменения истории. Основная часть повествования, происходит в времена когда и вампиры и оборотни и магия - уже стали естественной частью мира, и не зловещей опасной, а как часть даже культурного кода. Единоправным и признанным правителем, является Владислав - тот самый Дракула, хоть и все таки версия именно этой вселенной. Так же, основные события происходят на материке, где преобладает славянская культура.

© Агibalова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Пролог. Размышления ночного поэта	6
Дополнительные материалы. Словарь	11
История О... Соколе, Медведе, Старухе и снова о Соколе	16
Рассказ О... Великолепном Зиги, который просто обожает лечить	27
История О... Белом звере и поиске пива для сварливого старика	32
Рассказ О... Козьем молоке. Часть 1	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Анна Агибалова

Озарение. Истории и рассказы проклятого мира

Предисловие

Если ты открыл эту книгу в поисках истины, или захватывающего эпоса, то можешь сразу закрыть её.

Истина, вещь капризная. Она любит прятаться между строк, менять лица и притворяться чем-то другим. История же ещё хуже. Она лжёт реже, но делает это куда искуснее.

Меня называют Велесом. Богом историй. Я сохраняю события в своей библиотеке. Она растёт вместе с миром. Каждая война добавляет в неё новые тома. Каждая любовь, новую страницу. Каждое рождение, предательство, открытие, убийство или подвиг оставляют свой след среди бесконечных рядов книг. Множество из них ещё не написаны. Некоторые уже никогда не будут прочитаны.

Смертные любят считать историю цепочкой событий. Причиной и следствием. Началом и концом. Но за многие века наблюдений я убедился лишь в одном. История больше похожа на реку. Она извивается, разделяется на тысячи рукавов, исчезает под землёй и неожиданно возвращается там, где никто не ожидал. Она упряма, и крайне вредна. И мы можем лишь войти в нее где-то посередине. Поэтому и в прочтении этих рассказов, ты узришь лишь малую часть общей истории.

Ты найдёшь в этой книге рассказы о героях и монстрах. О богах и смертных. О королях, разбойниках, учёных, безумцах и тех, кого не стоило выпускать на свет. Некоторые из этих историй изменили мир. Некоторые не изменили ничего. По крайней мере, так кажется на первый взгляд. В моей библиотеке нет полок для великих и малых событий. Иногда судьба простого крестьянина оказывается важнее падения государства. Иногда случайная шутка за кружкой пива из лужи приводит к войне, которая длится столетиями. Иногда ребёнок, которому никто не дал даже имя, меняет судьбу целого народа. История любит подобные шутки. Потому не пытайся искать здесь главных героев. Судьба не знает главных героев. Она знает лишь тех, кто оказался рядом в нужное или неподходящее время. Большинство этих записей, я написал еще тогда, когда этот мир не был столь крепок и наполнен. Возможно, кое-где я ошибся. А возможно, некоторые события ещё только ждут своего часа и потому кажутся неправильными. Если так, не спеши смеяться.

Самые невероятные книги в моей библиотеке имеют неприятную привычку однажды становиться реальностью. Так что проходи. Выбирай любую историю. Но помни, каждая из них это часть чего-то большего. Возможно, прямо сейчас, пока ты читаешь эти строки, кто-то вписывает в историю и тебя. А история, как бы сильно этого ни хотелось богам, смертным и даже титанам, никогда не заканчивается.

— *Велес, Бог Знаний, Сказаний и Историй, хранитель знаний и летописец мира.*

Пролог. Размышления ночного поэта

~ 1 000 год до Озарения

Пустота. Сплошное и бесконечное ничто, в котором можно было различить крошечные тусклые огоньки чистого света. Они ничего не делали — лишь безмолвно и аморфно кружились. Какие-то чуть быстрее, какие-то и вовсе словно застыли на месте. Это напоминало водоворот звёзд на ночном небе. Души. Миллионы, миллиарды душ блуждали здесь в бесконечном танце очищения, возникая и возвращаясь назад — в тот, живой мир.

Среди этого хаоса, в похожем парении, висел мужчина с чёрными, словно сотканными из это же темноты, длинными волосами и густой бородой. Кожа его была смуглой. Взгляд исподлобья — отсутствующий, унылый. Он находился в позе, будто сидел, закинув ногу на ногу и подперев голову кулаком. Было неясно, на чём он сидит и на что опирается, ведь сидеть здесь было попросту не на чем. Тёмные ткани свободно ниспадали с него, словно халат или туника, обнажая рельефный торс.

Он сидел и смотрел на огоньки, что кружили, летали и парили. Это завораживало, успокаивало. Весь тот ужас, что происходил сейчас в мире живых, заставлял эту красоту ускоряться, а наблюдавшего за ней мужчину — тосковать.

Он вспоминал, как совсем недавно отдыхал в одном из постоянных заведений, ел запечённого гуся с яблоками и запивал всё это красным вином. Компанию ему составлял целый отряд солдат, они рассказывали о войне с солдатами другой страны. Право слово, мужчина всё никак не мог понять, отчего же этим и другим солдатам нужно воевать, ведь они все солдаты и могли бы просто есть запечённого гуся и пить красное вино. Возможно, этот огонёк и есть тот солдат? А может, этот? Или вовсе он уже не здесь. Впрочем, для сидящего на невидимом стуле человека не имело значения какой именно огонек наливал ему тогда. Он вспоминал не этих людей и не того гуся. Он вспоминал время, когда войны были лишь между духородными. А он и другие боги лишь наблюдали за этим, иногда размышляя о смертных как о каких-то дивных птицах, ведь если у птицы нет крыльев, разве можно называть её птицей? Тот спор с Дэванной так и закончился ничем, хотя она всё никак не хотела признавать поражение — воплощение охоты, ну кто ещё, если не она.

Спокойное было время. Великаны усердно изучали кузнечное дело, и, хотя другим народам идея обработки металлов пришла примерно в тот же период, именно великаны добились в этом наибольших успехов. Пока люди использовали металл лишь в виде пластин, вшиваемых в тканые халаты, а гномы и вовсе выходили в бой в тогах с нашитыми чешуйками, великаны уже прошли путь от кольчуг к цельным латам. А какие у них были турниры. Интрига — кто же победит и заполучит сердце принцессы. А после — бал для всех приближённых, в награду победителю. И ведь это было совсем недавно. Недавно — по меркам возраста мужчины в чёрном.

Мужчина носил имя Чернобог.

Чернобог был одним из древнейших богов, появившихся в мире. Вера в загробную жизнь, в каком бы виде она ни существовала, была всегда, во все времена находились смертные, что верили в неё. Такая уж их природа. Другие боги были не моложе: свет, сон, война, солнце, сказки, ветер, гроза, охота, лес, зверь, удача, смерть. У всего, что люди пока не могли объяснить, был свой аватар. Больше всего мужчина горевал по Батеноби — богу болезней. Очень уж умный был. С ним можно было бесконечно рассуждать о том, сколько лепестков должно быть у розы и как долго продлится война смертных, начавшаяся из-за одной неудачной

шутки про цветок. А ещё он всегда знал, как добавить рифму в стихи, чтобы те становились не просто великолепными, а по истине божественными.

Вспоминал как стоял на берегу реки. Вода была тёплой, мутной — смертные отмечали какой-то праздник, смысл которого он уже давно забыл. Они всегда что-то отмечали: урожай, солнце, удачную охоту или просто то, что дожили до следующего утра. Тогда даже религия выглядела как бред сумасшедшего, а не как выверенное средство управления стадом. Никаких догматов, никаких храмов из камня — лишь костры, песни да нелепые обряды. Религия... самое изящное и самое жестокое изобретение человеческих правителей. Чернобог иногда усмехался, думая, что, если бы смертные знали, что боги действительно ходят среди них, пьют с ними вино и пачкают ноги речным илом, — половина веры рассыпалась бы, а вторая превратилась бы в истерику.

Рядом сидел Прове, свесив ноги в воду. Его кожа была покрыта корой, и казалось, что он — часть прибрежного дерева, которое просто решило отдохнуть. Прове что-то ел, громко, с явным удовольствием, не заботясь ни о приличиях, ни о взглядах смертных, и рассуждал.

— Если бы они знали, сколько в боли скуки... — протянул он. — Боль ведь однообразна. Давит, жжёт, ноет. Всё одно и то же. А вот страх — куда изобретательнее. Он каждый раз разный.

Чернобог усмехнулся и записал эту мысль на дощечке углём. Тогда он ещё писал на всём, что попадалось под руку, на дереве, на камне, на коже убитых животных. Он верил, что каждую удачную фразу обязательно нужно спасти от забвения, иначе она исчезнет — как исчезают слова смертных, если их не повторять. Потом сохранял все эти записи в этой темноте.

Но медицина стала развиваться быстрее, чем Прове, Чернобог, Дэванна и тем более Батеноби могли предположить. Верящих в то, что чуму насылают злобные духи из-под бревна, становилось всё меньше. И вот Батеноби, громоздкий и тучный, постепенно истлел, словно его никогда и не было. В отличие от веры в загробный мир или страха перед тёмным лесом, болезнь стала понятной. А понятные вещи в богах не нуждаются.

Горевать по другу было так же прерогативой смертных. А вот горевать по тому, с кем можно было обсудить нынешнюю тысячелетнюю жатву, — это уже было можно. Этот соплёк возомнил себя чуть ли не титаном. Конечно, он даже не знал, кто такие титаны. Но наглость, невежество и жестокость его вполне могли с ними посоперничать. Никто из богов не начинал войну со смертными. Зачем? Они ведь по сути — единственное, из-за чего сами боги и существуют. Но этот новорожденный Краулуун... Как вообще можно поверить в кровожадность и пролитую кровь как в природное явление? Или как во что-то необъяснимое? Оно же вот — прямо под их тонкой кожей.

Объяснение, конечно, было. Войн в те времена стало слишком много, и поля буквально багровели от крови. Многие мирные духородные начали верить, что это не они сами — нет, что-то иное заставляет их убивать, сражаться, бояться и проливать эту бесполезную красную жидкость. Может, он демон? Внешне — так точно. Но нет. Будь это демон, кто-нибудь уже остановил бы его. Перун так точно с ним пересекался и в одно мгновение справился бы. Но раз бог грозы и сквернослов ничего не смог сделать, значит, всё же он один из нас. Какая забавная насмешка хаоса. И вот бог крови стал первым богом, начавшим свою жатву против духородных. А те никак не могли ему противостоять.

Чернобог часто сидел здесь, в этой пустоте, наблюдал за огоньками и сочинял свои стихи о мире живых — увиденном и неувиденном. О том, что скоро будет, и о том, чего больше никогда не станет. Наверное, будет сложно писать их, когда этот соплёк окажется здесь и начнёт кричать. А он точно будет кричать, учитывая его характер. При таком шуме стихи не пишутся. Если бы существовало место, где можно было бы запереть его, кроме этого, Чернобог условно выбрал бы его. Велес пытался отыскать другой вариант, но не смог. А если уж бог

историй не нашёл решения, значит, только это место было способно удержать мощь и силу бога и, наконец, остановить эту бойню.

Чем больше душ попадало сюда, тем меньше оставалось тех, кто верил в других богов. Ведь сложно верить в свет, если ты мёртв. Пусть они и перерождались, но чем дольше Краулуун уничтожал, тем сильнее последующим поколениям передавались знания о жестоком и ужасном боге крови. Совсем скоро он окажется здесь. Не как палач и не как титан — как узник. Без алтарей, без криков, без полей, багровых от веры в него. И тогда, возможно, он впервые поймёт, что тишина страшнее любой войны. Чернобог уже подбирал для этого момента слова. Стихи. Печати.

Печати. Да... Одна из немногих сил доступная мужчине в черном. Это было чрезмерно необычно. Ведь если смертные из поконов веков верят в загробную жизнь, почему же бог загробной жизни столь слаб? Приватности титана удачи. Сложить слова в подходящий стих, добавить условие, внести туда свою жизнь, и запечатанный исполнит возложенное в эти слова. Сколько же жизни и сил, Чернобогу придётся потратить, для того чтобы бог крови остался тут на всегда. Другие боги безусловно помогут. Да. С помощью их силы, и этих печатей этот соплук будет закрыт. Но нужны подходящие стихи. Обычные рифмы ночного поэта не подойдут, они были о цветах, войне и вине. Нужны подходящие стихи, такие чтобы условие точно не исполнилось. Ведь они будут не задачами, а замками.

Велес упоминал, что история не станет просто так продолжать свой ход и подчиняться. Какие бы условия ни были в неё вложены, во имя хаоса, они исполнятся. Рано или поздно. Она упряма и вредна. По велению ли самого бога историй или, быть может, титана удачи неясно. Но подчинить её себе не может никто.

А Чернобог всё сидел, смотрел и думал. Бесконечно думал. Это было единственное, что удавалось ему лучше прочих.

Один из огоньков пролетел прямо перед его лицом, слегка задев щеку. В голове промелькнули мгновения жизни этого огонька, что не успели очиститься тьмой. Девушка. Рабыня. В ее жизни было либо слишком мало светлых моментов, либо они все уже были стерты. Служила какому-то жирному правителю. Судя по архитектуре и тому что одни великаны вокруг — Деорленд. Великаны не чурались тем, чтобы брать в насильное служение людей других властителей, после победы. Не одними турнирами они были знамениты. А то, что её хозяин делал с ней по ночам, заслуживало кары куда более изощрённой, чем простая смерть. Жалость к смертным была скучна и бесполезна. Эти осколки чужих жизней лишь отвлекали от мыслей, куда более важных.

Он моргнул одним глазом, и перед ним возникли дощечки, лоскуты ткани и кожи, плоские камни, пергамент. Всё, на чём он писал эти годы. Каждый материал был исписан его же символами. Они заполнили довольно обширный участок, но все равно не мешали огонькам. Нужно изучить их, прочитать на тысячный раз. Поэту порой достаточно собственных слов, чтобы вспомнить то, что он уже однажды понял. Тот, что сейчас висит в двух метрах по диагонали вниз и направо, написанный на березовой коре, мог сейчас пригодиться.

В ту ночь, Чернобог любовался библиотекой Велеса. Попасть в нее без личного приглашения было нельзя. Подобно тому, как эта темнота доступна для входа лишь мужчине в черном. К тому же Велес спрятал свою коллекцию весьма искусно. В собственном разуме. Эти чертоги не имели конца. Ведь он, само воплощение слова «знание». В том числе, он мог видеть и знания будущего. Но, к огромному сожалению поэта, сейчас, это не было легкой помощью. Ведь чтобы получить точный ответ, нужно было задать точный вопрос. А точных вопросов не знают даже боги, а может и титаны.

Слова «библиотека» и «книга» Чернобог узнал тогда же, от Велеса. В те времена смертные ещё не изобрели письменность. Совсем недавно они лишь научились затачивать палки для охоты. Все же удивительно, что даже столь неразумные, они уже искали веру. А бог знаний и

историй, успел узнать о грядущих через века, папирусах, скрепленных в твердом переплете. И именно ими и заполнил свои чертоги.

Велес как раз только появился, и Чернобог решил поприветствовать его. Однако совсем юный бог уже знал и кто такой Чернобог, и даже какой сорт фруктов тот предпочитает. В библиотеке бога знаний беспрестанно разрастались ряды книг. Чернобог открыл одну из них. Он перелистывал и другие, но именно эта запомнилась лучше прочих. В книге рассказывалось о правителе, которому суждено было править вечно. При этом он не был ни богом, ни демоном — но и к духородным не принадлежал. Как же тогда он мог править бесконечно? Когда должны были случиться события, описанные на страницах, тоже оставалось неизвестным.

Эта история всё же вдохновила поэта. Чернобог поднял кусок коры, отломившийся от древа, и написал на нём стих о бессмертном повелителе. Ничего особенного, один из тысяч стихов, что появятся позже. Но Жыве этот стих пришёлся не по нраву. Богиня жизни, разумеется, не могла радоваться истории о вечно живущем владыке. Прошли века, но мужчина в чёрном так и не встретил того правителя. Смертные грызлись за власть столь же яростно, как за веру или за еду, и сменяли друг друга без конца. Возможно, вечное правление в книге было лишь метафорой?

И всё же теперь этот стих оказался полезен. Историй о странных и необычных существах разных эпох в библиотеке Велеса было предостаточно и их можно было использовать. Но строить печати на том, что когда-нибудь обязательно случится, было глупо. Такой замок продержится недолго. Но... что, если сделать наоборот? Что, если воплести в печати то, чему никогда не суждено исполниться?

Мужчина слегка шевельнул пальцами левой ноги, и берёзовая кора плавно подлетела ближе. Моргнул и все остальные стихи исчезли так же, как и появились. Чернобог перечитал строку ещё раз: «Править он будет до тех времён, когда дождь падать устанет и потечёт обратно в небеса». Простая строка, намеренно затуманенная поэтом, чтобы придать стиху величия. На деле она означала лишь одно, этот правитель будет жить и править бесконечно долго. Значит, и условие для одной из печатей должно быть простым. Но при этом, прямо противоречащим книге. Смерть бессмертного правителя. А если одной смерти окажется мало, пусть ещё и его ихор выпьют досуха. Отличная шутка, которую, без сомнения, оценил бы титан удачи. Только кровь спасёт бога крови от заточения. По крайней мере, это будет один из ключей.

Нужно было проведать Велеса в его чертогах ещё раз и пригласить всех, кто согласился помочь. Тем более что Жыва и Гипнос смогут написать и свои стихи. Пусть они и не столь искусны, как ночной поэт, но всё же станут хорошим источником слов. Оставалось надеяться, что Велес впустит и их в библиотеку. Перуна лучше пока не звать. Он тоже мастак на сочинение, но его сквернословие может только помешать. Остальные же смогут помочь лишь своей силой.

Мужчина в чёрном сменил позу. Взял кору в руку, поставил ноги на незримый пол, выпрямился и просто исчез, оставив тусклые огоньки света блуждать в пустоте без его пристального наблюдения. Мысль, в поисках которой Чернобог находился здесь столь долго, по меркам смертных так почти вся жизнь, наконец пришла к нему, подарив то, что духородные называют надеждой. Надежду на то, что жатва закончится и бог крови никогда не покинет своей грядущей темницы.

Но история упряма и вредна.

Рис. 2.1. Чернобог в Бездне.

Дополнительные материалы. Словарь

Агидэль(богиня) — богиня моря и воды.

Аквааргент(руда) — серебристо-лазурная руда с природными антимагическими свойствами. В исходном виде твёрдая, после обработки становится текучей, подобно ртути. Используется для защиты от магии.

Арксий(руда) — коричневая руда, после обработки приобретающая красный оттенок. Крайне хрупка. Является природным ядом для вампиров.

Баламошка(брань) — полоумный, легкомысленный безумец.

Баляба(брань) — рохля, разиня, неловкий и беспомощный человек.

Барон(титул) — самопровозглашённый правитель земель, иногда не имеющий ни города, ни замка.

Барышник(профессия) — торговец, перекупщик.

Батеноби(бог) — бог болезней и чумы.

Блудилище(место) — бордель, публичный дом.

Блуждающий(проклятие) — смертный с треснувшим сосудом души и сильной связью с Бездной. Обычно страдает физическими и психическими недугами.

Бог(раса) — воплощение веры духородных в природные явления.

Бог Удачи(бог) — бог удачи, не имеющий собственного имени, поскольку удача и есть его сущность.

Бургомистр(титул) — назначаемый правитель города и ближайших земель без права наследования власти.

Вампир(проклятие) — смертный, рождённый или обращённый, вынужденный питаться кровью других смертных.

Варг(монстр) — существо, напоминающее волка, но в несколько раз крупнее. Часто обладает признаками других животных: рогами, жабрами или крыльями, однако обычно они являются рудиментарными.

Ведьмак / Ведьма(маг) — представитель школы смерти. Магия направлена на разрушение уже существующих ран и усиление страхов.

Вековой лес(территория) — обширная природная область, полная опасностей, с которыми не под силу справиться обычным смертным.

Велес(бог) — бог знаний и историй.

Великая Жатва(исторический термин) — общее обозначение самых тяжёлых эпох в истории смертных.

Властитель(монстр) — существо, похожее на сгорбленного старца в балахоне. Лицо бледное, глаза светятся фиолетовым. Балахон соткан из тьмы Бездны и фактически является его телом. Частично разумен, способен гипнотизировать жертву. Хищник.

Водополох(растение) — сине-чёрное растение, напоминающее морской огурец. После магической обработки позволяет временно дышать под водой.

Всеотец / Белобог(бог) — как Белобог является богом солнца, света и тени. Как Всеотец почитается в Деорленде якобы единым и единственным богом.

Вукла(проклятие) — оборотень, отвергнутый своим хозяином, но продолжающий быть с ним связанным; полностью утратил человеческий облик и разум.

Гипнос(бог) — бог сновидений и фантазий.

Глуподырый(брань) — крайне глупый и упрямый человек.

Гнилое болото(территория) — вековой лес, раскинувшийся среди болот и топей. Опасность представляют не только его обитатели, но и зыбкие трясины. Наиболее распространённые деревья: сосна, берёза и ольха.

Д. О.(исторический период) — «До Озарения», эпоха до появления первого Разлома и возникновения магии.

Даждьбог(бог) — бог плодородия.

Дальние земли(территория) — полуостров Сангустера, превращённый воздействием Разлома в безжизненную пустыню.

Дворф(раса) — потомок людей и гномов.

Демон(раса) — воплощение безумной веры одного духородного.

Деорленд(материк) — материк, населённый великанами.

Догод(бог) — бог ветра и холода.

Дремучий лес(территория) — вековой лес, где деревья растут так тесно, что почти не пропускают свет, а корни выступают из земли. Из-за Разлома населён множеством монстров бездны. Наиболее распространённые деревья: клён, дуб и груша.

Дый(бог) — бог удовольствия, секса и плодородия.

Дэванна(богиня) — богиня охоты, как лёгкой, так и опасной.

Едрёна мамошка(бранное выражение) — ругательное обозначение публичной женщины.

Епрония(брань) — грязная мутная жижка, оставшаяся после рвоты; используется как оскорбление.

Ёра / Ёрная(брань) — озорной, дерзкий, бойкий на язык человек.

Живница(профессия) — знахарка, принимающая роды и занимающаяся лечением матерей и детей.

Жыва(богиня) — богиня жизни.

Загузастка(брань) — толстая, круглолицая девушка.

Затетёха, тетёха(брань) — дородная, неповоротливая женщина.

Захухря(брань) — неряха, растрёпанный и неухоженный человек.

Зихгир(снаряжение) — защитное кольцо лучника, надеваемое на палец для защиты от тетивы.

Знахарь / Знахарка(профессия) — целитель-самоучка, не проходивший обучения в школе магии или при церкви.

Золотая Армия(понятие) — личный отряд Владислава, направляемый только на самые важные задания. Его воины носят золотые маски, скрывающие лица, из-за чего в народе их часто называют Масками.

Игрэм(проклятие) — порождение, почти полностью утратившее человеческий облик и эмоции; часто сливается с природной стихией.

Известный Разлом(термин) — Разлом, местоположение которого известно смертным и нанесено на карты. Многие другие Разломы остаются неизвестными.

Инклюзия(материк) — материк, населённый гномами.

Ихор(понятие) — кровь богов и других бессмертных существ.

Ихором залитый(брань) — высокомерный человек, считающий себя лучше остальных.

К'Атунра(бог) — бог луны и ликантропии.

Клирик / Жрец(маг) — представитель школы жизни, использующий божественные печати и заклинания для исцеления.

Колдун(маг) — представитель школы стихий; управляет природными силами через знаки, энергию и заклинания.

Коробый(брань) — тупой и упрямый человек, «крепкоголовый», словно дерево.

Король(титул) — наследственный правитель города или нескольких земель.

Крага(снаряжение) — защитная накладка на руку лучника, удерживающую лук. Обычно из кожи, металла или ткани.

Краулунов выкормыш(брань) — жестокий, злобный человек; кровожадный мерзавец.

Краулуун(бог) — бог крови и кровожадности.

Кроволист(растение) — красно-жёлтое колючее растение, растущее на местах великих кровопролитий. Его нектар используется в сильных лечебных зельях.

Кровомозглый(брань) — тупой, агрессивный и склонный к насилию человек.

Кудесник(маг) — представитель школы тьмы. Использует жесты и заклинания; магия тьмы преимущественно направлена на создание иллюзий и воздействие на разум.

Лекарь / Врачеватель(профессия) — целитель, обученный по правилам школ магии или церкви.

Лиственный лес(территория) — вековой лес, в котором деревья ниже обычного, но значительно крепче. Листья многих растений острые, словно бритва. Наиболее распространённые деревья: дуб, берёза и липа.

Лободрыльный(брань) — недоумок, наивный и глуповатый человек.

Лукс Армиджер(бог) — бог чистоты и очищения. Почитаем паладинами.

Магура(богиня) — богиня битв и стратегии.

Макош(богиня) — богиня магии.

Марионетка(проклятие) — смертный с опустошённым сосудом души; способен лишь выполнять приказы.

Морана(богиня) — богиня смерти и покоя усопших.

Моранник(профессия) — служитель церкви богини Мораны, отвечающий за погребение усопших и проведение похоронных обрядов.

Мухоблуд(брань) — ленивый бездельник, лежебока.

Налуч(снаряжение) — чехол для ношения или хранения лука.

Народ Дроу(раса) — изначальные вампиры, рожденные в бездне, не имеют сосуда.

Носфер(проклятие) — низший вампир, утративший разум.

Носферья морда(брань) — уродливый, отталкивающий человек.

Обжорстая мухоловка(монстр) — ходячее растение из переплетённых лоз с пастью мухоловки. Может притворяться кустом и плевать парализующим ядом.

Оборотень(проклятие) — смертный, соединённый с животным началом; способен принимать человеческую и звериную форму. Обрести истинную силу способны только обрета хозяина

Озарение(исторический период) — момент появления первого Разлома и зарождения магии.

Орман(раса) — полувеликаны, потомки людей и великанов.

П. О.(исторический период) — «После Озарения», летоисчисление от появления первого Разлома и магии.

Пеньтюх(брань) — толстый, неуклюжий человек с круглым животом и щеками.

Перун(бог) — бог грозы и дождя.

Поревит(бог) — бог мира и справедливости.

Порождение(проклятие) — смертный, часть души которого заменена энергией природной стихии.

Прове(бог) — бог тёмного леса.

Прошмандовка(брань) — падшая женищина, блудница.

Пустошный(брань) — пустой, глупый человек, не понимающий даже простых вещей.

Пустрак(растение) — сиреневый цветок Бездны, обладающий магическим ядом, поражающим душу.

Разлом(явление) — разрыв реальности между миром смертных и Бездной.

Разхубник(брань) — преступник, разбойник, саботажник.

Ракиаса(проклятие) — оборотень, принявший хозяина внутри собственной сущности.

Растопча(брань) — олух, редкий тугодум.

Роца Очищения(территория) — вековой лес, выросший из единственного белого дерева, являющегося аватаром богини жизни Жывы. Наиболее распространённые деревья: берёза, яблоня и клён.

Руевит(бог) — бог войны.

Сангустер(материк) — материк, населённый людьми.

Сварожич(бог) — бог огня.

Свербигузка(брань) — суетливый, беспокойный человек, постоянно находящийся в движении.

Семеро детей Владислава(понятие) — высшие вампиры, одни из первых обращённых смертных. Приближённые Владислава.

Сиволап(брань) — грубый и неуклюжий человек, «слон в посудной лавке».

Скапыжрый / скапыжа(брань) — сварливый, вздорный человек.

Сквернавецъ(брань) — подлый, мерзкий человек; негодяй.

Смертные / Духородные(понятие) — общее название разумных существ, обладающих сосудом души.

Сотский(титул) — военный начальник, командир солдат, отвечающий за важные земельные участки.

Стоиросовый(брань) — болван, откровенный дурак.

Триглав(бог) — бог путешествий и странников.

Туманная Дубрава(территория) — вековой лес в горной местности у моря. Постоянные туманы и природные газы вызывают у путников галлюцинации. Наиболее распространённые деревья: пихта, сосна, харрад и ель.

Укусок(брань) — мелкий пакостник, постоянно причиняющий неприятности окружающим.

Фуфлыга(брань) — невзрачный, ничтожный человек.

Харрад(растение) — дерево с крупными жёлтыми листьями; его плоды обладают наркотическим действием. Вызывает кратковременную эйфорию и усиление одного из чувств, после чего следует длительная слабость и ослабление этого же чувства.

Хвостолыз(брань) — подхалим, заискивающий перед более влиятельными людьми.

Хохрить(глагол) — ёжиться, дёргаться или судорожно двигаться.

Червяк-лицехват(монстр) — огромный падалицик длиной до двадцати метров с человеческим лицом.

Чернобог(бог) — бог загробного мира.

Чужеяд(брань) — паразит, нахлебник, живущий за счёт других.

Чупрун(понятие) — прядь волос, спадающая на лоб; мужской чуб.

Шаврик(брань) — презрительное обозначение ничтожного, отвратительного человека. Кусок дерьма.

Шаман(маг) — представитель школы крови. Использует ритуалы и жертвоприношения; магия крови связана с мутациями и управлением живыми существами.

Шептун / Шепчущий(маг) — представитель школы Бездны. Использует слова, собственную энергию и разум; магия Бездны направлена на управление душами и энергией Бездны. Во многом схожа с естественными способностями Блуждающих. Длительное использование этой магии постепенно лишает мага голоса и рассудка.

Шестеро(понятие) — шесть наиболее влиятельных капитанов пиратских кораблей, образующих правящую элиту пиратского острова.

Шиномра(брань) — пронырливый хитрец, постоянно лезущий не в своё дело.

Элементарит(металл) — редкий металл, получаемый при переплавке порождений; чрезвычайно прочен и ядовит для них.

Ядовитый Изверг(монстр) — существо, напоминающее толстого человека с длинными руками-крыльями. На спине растут иглы, как у дикобраза. Агрессивный хищник; его слюна, кровь и иглы ядовиты.

История О... Соколе, Медведе, Старухе и снова о Соколе

742 год после Озарения

— Итак, почему мы должны сюда тащиться? — молодой на вид парень с копной рыжих волос, стянутых бечёвкой, зевнул. Одновременно с этим сокол, сидевший у него на плече, тоже раскрыл клюв в зевке.

— Потому что нужно приходить, когда командир вызывает, и слушать, что говорят, — орман, шедший рядом, злобно фыркнул. Даже короткие русые волосы на его голове слегка подёрнулись, словно тоже недовольно фыркали.

— Так ты же мне всё равно всё расскажешь, почто мне приходить? А ты всегда такой внимательный. А если Русе что-то не нравится, я могу и уйти.

— Во-первых, Русимир. Он твой командир, прояви уважение. А во-вторых — не можешь уйти.

— Могу. Ещё как могу! Вот смотри, прям сейчас побегу!

Парень стал, слегка подпрыгивая, изображать, как он бежит вокруг ормана, словно тот был слоном, а пареньёк — собачонкой. Сокол в этот момент всё же слетел с плеча, завис в воздухе и наблюдал за сим действием столь же внимательно, как и громила.

— Смешно. Запнёшься же, баламошка, — не обращая внимания на скомороха перед ним, полувеликан шёл, не сбивая темпа.

— Запнусь? Я? О, любимейший мой Потап Михайлович, мне так приятна ваша забота, неужто вам не всё равно за моё здоровье? — парень начал лицедействовать, изображая высокий девичий голос, и, тем временем, шёл задом наперёд, всё ещё приплясывая.

— Там бандиты впереди. Не боишься?

— Где?! Ух, всех порешу, чтобы защитить своего медвежонка! — рыжеволосый остановился, развернулся, выхватил длинный лук из-за спины и нарочито натянул тетиву без стрелы куда-то вперёд. Поза его при этом больше напоминала попытку сходить в нужник. Полувеликан продолжал путь.

— Да вот там, в поле. Минимум семьсот бандитов, а то и тыща, — кивнул бугай в сторону.

— Сжечь поле! Чтобы им пусто было! — парень вернул лук в законный налуч и поспешил нагнать друга, чтобы поравняться с ним, наконец перейдя на обычный шаг. Сокол поспешил усестись обратно на плечо. — Так почто нам в эту санную тюрьму?

— Русимир сообщил, что нужно посмотреть на девушку.

— Девушку?! Посмотреть? Не может быть! Наконец-то мои молитвы Дыню были услышаны! — рыжий вознёс руки к небу и тут же слегка ударил по плечу компаньона, точнее туда, куда дотянулся. — Не убийства, не разведка. Я так, может, даже и на зов командира буду приходить.

— Тебе что, городских блудилищ не хватает?

— Ничего ты не понимаешь, Потап Михайлович. Блудилища — это для низменных естественных потребностей, коих у меня немало, между прочим, и смотреть там особо нечего. А вот на законных путях поглазеть на девушку, что не является блудницей... Хотя погоди. Она же в тюрьме... Она часом не блудница?

— Насколько я знаю, нет.

— Добро! Так, о чём я? Точно! Глаз мужчины — он наслаждается видом девиц, — парень изобразил руками странную фигуру, отдалённо похожую на девушку. — Это наполняет сущность мужчины силой и уверенностью...

— Это наполняет тебя походом к лекарю.

— Да он мне ничего нового не скажет... Может, я влюблюсь в эту девушку и женюсь на ней — и больше не буду ходить по блудилищам.

— Ух ты, быстрый. Ты ещё даже не знаешь, почто мы на неё смотреть идём, а уже жениться собрался, — орман улыбнулся.

— А действительно. А почто?

— Приказ. Изучить и сообщить, годится ли она для того, чтобы использовать её в нашем воинстве.

— Опять преступник. Это становится даже слегка скучным, — рыжий заложил руки за голову и, слегка прикрыв глаза, продолжил идти.

— Она с четвёртого уровня. Сирота. Одна из попыток Коллет повторить ядовитое оружие. Тьфу, сквернавец... — Потап сплюнул в сторону.

— Неужто у этой затетёхи наконец получилось? Илюша рассказывал как-то, полвека назад, за кружкой эля, что захаживал к ней. Даже у него волосы на жопе дыбом встали от вида тех бедолаг.

— Получилось или не получилось — не важно. Нужно понять, подойдёт ли она нам и достаточно ли разумна.

— А чего нас послали? Послали бы Коснятина или того же Илью. Не хочу вас огорчать, Потап Михайлович, но они поумнее вас... нас будут. А уж вопрос найма — так это вообще должно быть на Русе лично.

— У отряда Ильи своя миссия на западе. Русимир нужен Владиславу в столице. Кощей отправился на юг, в Дальние земли.

— Разбрелись по свету, а мне с постели вставать... Понятно, понятно. Долго нам ещё идти-то?

— Как будто ты не видишь.

— Да вижу я, вижу...

На горизонте тянулась лишь прямая дорога, по обе стороны которой колыхались поля пшеницы. Рыжий уже полез в специальное отделение на поясе и достал золотую маску — с прорезями для глаз и однообразным, выдавленным лицом. Золото сверкало на солнце, отражая в идеальной зеркальности очертания его собственного лица.

Нос тонкий, вытянутый. Немного веснушек. Рыжая, под цвет волос, козлиная бородка, короткие усы, резкие скулы. Он больше походил на подростка, старательно пытавшегося казаться старше, хотя на деле был куда старше, чем выглядел. Одет он был в простую светлую свободную рубаху и штаны. Кожаный наплечник был всего один, и именно на нём спокойно сидел уверенный и молчаливый сокол. На лапке птицы поблёскивало золотое кольцо. Наплечник ремнями переходил в кожаный нагрудник. И нагрудник, и наплечник были пластинчатыми, наложенными друг на друга, словно чешуя, каждая широкая чешуйка была прошита золотыми нитями. На шее висело множество украшений — монеты, каменные амулеты, — но особенно выделялся круглый золотой медальон с выгравированной маской, схожей с той, что он держал в руках. На указательном пальце левой руки красовалось золотое кольцо, левое предплечье защищала крага, а на правой руке был лишь зихгир. За спиной, в налуче, покоился длинный сложный лук, рядом висел колчан со стрелами. На поясе за спиной, в ножнах, также расшитых золотом, виднелась изогнутая рукоять короткого широкого меча. Ростом он был невысок, телосложением — худощав.

Водрузив маску на лицо, он ощутил, как одежда и обмундирование изменились мгновенно. Ткань засверкала золотом, а поверх появился длинный чёрный плащ с капюшоном, полностью скрывающий облик. Лук и сокол исчезли, словно их никогда и не было.

Заметив, что напарник принял подобающий вид, орман тоже достал из отделения на поясе такую же золотую маску, ничем не отличавшуюся от маски парня.

На нём были тёмные шаровары и вязаная обувь. Длинная, до колен, зелёная рубаша открывала накачанную, густо поросшую волосом грудь, в районе сердца виднелась татуировка солнца. Рубаша была подпоясана кожаным ремнём, к которому крепились несколько подсумков, а по обе стороны висели два боевых топора. Их узорчатые рукояти были украшены изумрудами, вкрапленными в основание древка. Нос — картошкой, пухлые щёки, густые брови. Короткие русые волосы и подстриженная густая борода придавали лицу суровость. Одно ухо было подрано так, словно его почти не осталось, во втором висела серьга-кольцо с аккуратно закреплённым золотым медальоном, на котором была выгравирована маска. Ростом он был даже выше среднего ормана и вполне сходил за великана, но родословную, как ни старайся, всё же не обманешь.

Надев маску, он преобразился так же, как и его напарник: золотое облачение вспыхнуло мягким блеском и тут же скрылось под тяжёлым чёрным плащом.

Почти сразу после этого на горизонте показалось каменное ограждение с башенкой стражи, а за ним — небольшой замок. Дубовые ворота были столь велики, что в них свободно разъехались бы две кареты. Двое мужчин в плащах и золотых масках подошли к створкам. Сбоку находилась узкая дверь для пеших, полувеликан негромко постучал в неё костяшками пальцев.

Выдвижной глазок открылся, почти сразу захлопнулся, и дверь поспешно распахнулась. Страх стражника ощущался почти физически — словно холодный ветер по загревку.

— Это же вы... А для чего? Нас не предупреждали...

Потап молча достал свиток, скреплённый королевским сургучом, и протянул его стухнувшему стражнику.

— А я разве... могу?

Маски не ответили и даже не кивнули. Стражник помялся несколько секунд, затем всё же решился сломать печать и развернул письмо. Его глаза быстро пробежали по строкам. Закончив, он аккуратно свернул свиток и протянул его обратно полувеликану.

— А... ну что же, пойдёмте, я вас провожу к госпоже Коллет, — он повернулся ко второму стражнику у ворот, более сдержанному и не проявлявшему ни паники, ни испуга. — Я скоро вернусь.

Тот, однако, даже не кивнул — подобно маскам. Лишь закатил глаза и закрыл дверь.

Стражник поправил меч на поясе, указал рукой в сторону каменного здания и зашагал вперёд, провожая гостей. Здание было одноэтажным, протяжённым — размером с несколько избушек, сбитых в один тяжёлый каменный прямоугольник. Вход — всего один. Маски шли за ним молча. Внутри тянулся коридор, по обе стороны которого располагались большие открытые помещения. В них стояли кровати, стулья, тумбы, стойки для брони и оружия. На нескольких лежанках спали люди, орманы, дворфы и даже один великан, кое как свернувшийся на двух кроватях. В конце коридора, напротив входа, виднелась лестница, уходящая вниз. Именно к ней и подвёл масок трусливый страж.

— Вот, собственно, вам сюда. Я дальше идти не могу. Покажите бума...

Человек и полувеликан не остановились ни на секунду и, не ответив, продолжили путь, начав спуск по ступеням. Где-то между верхним и первым подземным уровнем рыжий снял маску — иллюзия мгновенно рассеялась — и хлопнул друга по плечу.

— Видел, как обосрался тот пустошный? Я уж думал, не выдержу — обоссусь от смеха прямо там. Новенький, наверное... Давай на обратном пути дождём его. Скажем, что мы пришли за ним. Вот же будет умора.

— Обхохочешься, Финист. Маску верни. Мы на задании, — голос ормана оставался искажённым и приглушённым под маской.

— Да что такого? Никого нет. А я подышать хочу, пока могу, а то внизу воздуха, поди, и вовсе не будет.

В ту же секунду сокол, до этого смирно сидевший на плече, резко и злобно крикнул попличьи.

Рыжий от неожиданности даже отшатнулся, покосился на птицу, сделал небрежный жест — мол, «да ладно тебе», — закатил глаза и водрузил маску обратно. Иллюзия вернулась, плащ лёг тенью по плечам.

— Скапыжные вы. И скучные.

Как раз показался проход на четвёртый подземный уровень. Предыдущие три они миновали без остановки. Короткий коридор упирался в тёмную дверь. На ней слабо светился выгравированный знак. Символ солнца, внутри которого росло большое дерево. Его ветви и корни уходили прямо в солнечный круг, переплетаясь с ним в единую, странно гармоничную композицию. Потап взялся за ручку и потянул на себя. Дверь отворилась без скрипа, и маски вошли внутрь.

Помещение встретило их холодной белизной стен. Комната была разделена надвое перегородкой с широким окном из толстого стекла. В ближней части стояли несколько столов, заставленных склянками, банками и вытянутыми, непривычными инструментами, назначение которых угадывалось с трудом. От некоторых сосудов тянуло резким, горьким запахом.

Во второй части находилось нечто, отдалённо похожее на жилую комнату. Узкая кровать с истёртым матрасом, стол, перекошенный стул, у стены ведро для отходов. Белые стены были изрезаны царапинами. Местами это выглядело как бессмысленные каракули, будто их выводили в припадке злости или боли. Но в некоторых местах смысл всё же проступал. Автор этой наскальной живописи явно был не в восторге от каких-то людей с длинными носами.

Обитатели этих двух комнат были соответствующие. За стеклом, на кровати, спиной к окну, лежала девушка. Из-под ткани виднелась лишь спутанная копна длинных чёрных волос, местами свалявшихся в жёсткие пряди. Она была прикрыта грубой серой материей и свернулась в тесный, защитный комок, прижав колени к груди, словно пыталась спрятаться. Из-под края ткани торчала одна пятка, бледная и неподвижная. Было трудно понять, дремлет она или нет.

В ближайшей комнате, за заваленным бумагами столом, сидела другая девушка. Человек. Чуть полная, низкая, с длинными тёмными волосами, стянутыми в хвост, в котором пробивались несколько седых прядей. Густые брови. Один глаз был скрыт повязкой с вышитым символом глаза на раскрытой книге, второй же светился мутным, болезненно-красным блеском. Кожа была бледной, почти прозрачной, и на кистях рук под ней проступали вены с сиреневым отливом. На ней был мужской военный костюм с аксельбантом, аккуратно подогнанный по фигуре, но лишённый брони и оружия. Белый халат был небрежно перекинут через спинку стула. Девушка что-то быстро выводила пером на пергаменте, полностью погружённая в записи и не замечающая вошедших масок. Рядом на столе лежала вытянутая кожаная маска с длинной трубкой, похожей на хобот насекомого.

У дальней стены комнаты стоял дворф, мужчина. Он был на удивление полностью лысым. Ни волос на голове, ни бороды, ни даже бровей. Кожа на черепе тускло блестела, из-за чего он казался почти выточенным из кости. На нём был белый халат. Дворф внимательно рассматривал доску со стеклянными трубками, закреплённую на стене.

Когда маски вошли, он едва заметно вздрогнул и повернулся на звук.

— Командир. Маски пришли. — Произнёс он тихо, и тут же отвернулся обратно к своему занятию.

Девушка за столом продолжала писать в пергамент, не удостоив гостей даже взглядом. Перо скрипело по бумаге ещё несколько мгновений, прежде чем она закончила последнюю строку. Лишь после этого она неторопливо положила перо, аккуратно отложила лист в сторону и только тогда повернулась к вошедшим.

— Приветствую, приветствую. Что же привело наших доблестных защитников на этот раз?

Потап молча протянул письмо со сломанным сургучом. Девушка взяла его, даже не поднимаясь со стула, с явным раздражением фыркнула на треснувшую печать и развернула свиток. Пока её взгляд скользил по строкам, символ на повязке над глазом едва заметно блеснул золотом.

— Иди отдохни. У тебя перерыв. Вернёшься, когда эти уйдут, — она свернула письмо и небрежно швырнула его на стол, словно ненужную тряпку.

— Я слежу за... — начал дворф, не оборачиваясь от доски с трубками.

— Я знаю, за чем ты следишь. Иди, я сказала! — Её голос сорвался в тонкий, неприятный писк. Человек за стеклом немного задвигался.

Дворф несколько секунд стоял неподвижно, затем всё же молча повернулся и, не глядя на масок, прошёл мимо них к выходу из помещения. Как только он вышел, девушка тоже поднялась. Она подошла к двери, задвинула щеколду, затем вернулась к столу и тяжело опустилась на стул. Пальцы сжались на переносице, лоб она потерла резко, будто от накалывающей боли.

— Может, снимите это дерьмо? У меня от ваших блестяшек башка свербит.

— Не имеем права, сотский Коллет. Наши лица должны быть скрыты, — орман остался у входа, словно врос в пол, а рыжий тем временем неспешно прошёл к стеклу. Его походка сразу стала прежней, наглой и развязной, будто маска и не надевалась вовсе.

— Не мели чепухи, Михалыч. Скапыжа... Уирик, ты хотя бы сними, и то полегче будет.

— Он Финист. Просить снять у нас маску то же самое, что просить тебя снять твою повязку. К слову, если ты её снимешь, твоей голове действительно станет легче.

— Потап Михайлович, да ладно тебе. Все свои. — Рыжий уже снял свою маску и положил в подсумок, а в его голосе звучала привычная дерзкая насмешка.

Сокол подлетел с плеча и сел на стол, прямо перед девушкой.

— А, Квирк, это ты, глуподырий, — девушка повернулась к соколу и почти ласково провела пальцами по перьям у него на голове. — Прости, Уирик.

— И я тебе рад, загузастка, — рыжий криво усмехнулся и показал ей неприличный жест рукой.

— Рад тому, что вы наконец увиделись. Финист, верни маску. Мы на задании, — в голосе полувеликана сквозило сдержанное раздражение.

Сокол коротко просвистел в сторону Потапа.

— Не положено.

Сокол просвистел снова, громче и настойчивее, хлопнув крыльями так, что перья вздрогнули. Орман несколько секунд молча смотрел на птицу, потом тяжело выдохнул и всё же снял маску, убирая её в подсумок.

— Если она нам не подойдёт, её придётся убить, — произнёс Потап уже тише.

Он сделал несколько шагов к стеклу и остановился рядом с рыжим, вглядываясь в силуэт человека на кровати.

— Спасибо, Уирик, — нежно сказала учёная.

Сокол мягко переступил когтями по её пальцам и устроился на руке, чуть наклонив голову, словно прислушиваясь к её голосу. Коллет позволила себе короткую улыбку и лишь потом поднялась со стула, медленно приблизившись к гостям.

— Да, я уже поняла это из письма. И без снятия масок вы бы её убили. Жаль. Моё лучшее творение. Сочетание магии крови и яда от образца номер ноль вышло почти безупречным. Первое на моей памяти порождение с двумя элементами. И, между прочим, это моё достижение.

— Как ты этого добила?

Коллет усмехнулась одними губами, в этой усмешке не было радости, только гордость.

— Это уже семнадцатый образец. Сначала мы пытались просто повторить образец номер ноль, но тот яд, что использовал этот трус из Нидрона, так и не смогли воссоздать в чистом виде. Первые попытки были даже не жалким подобием нулевого. Это были кучки невнятной плоти, которые кричали и умирали быстрее, чем я успевала делать пометки.

Она провела пальцами по краю стекла, будто машинально стирая с него невидимую пыль.

— Потом я начала работать с бракованными образцами. Думала, что смогу извлечь хоть что-то полезное из этих доходяг. В итоге мои коллеги умирали один за другим, а образцы будто бы только крепили. Приходилось их устранять, да, милушка? — Коллет рассеянно почесала загривок птицы. — Всех коллег-вампилов потеряла. Слабые несмысли. Так им и надо.

— Стерва, — тихо бросил рыжий, лениво устраиваясь на стуле и закидывая ногу на ногу.

— Заткнись, глуподырь, и слушай! — Когда Коллет злилась, её голос срывался в тонкий писк, от которого даже сокол на её руке непроизвольно съёжился и прижал перья.

— И вот мне приводят этого зверька, — она довольно кивнула в сторону девушки за стеклом.

Все трое гостей синхронно поморщились и недовольно посмотрели на неё.

— Ладно, ладно, привели «образец», обидчивые мои. Ох и дикая же она. Чтобы её усмирить во время экспериментов, пришлось использовать шамана. Согласно нашим данным, именно это и повлияло на успех.

— То есть лучшие учёные не справились без королевских магов? Помнится, кто-то был недоволен тем, что Влади прикрыл вашу шарлатанскую лавочку в Нидроне и отдал ваши злотые на открытие новой школы магии, — Финист злобно усмехнулся, нарочно задержав взгляд на Коллет, явно стараясь задеть побольнее.

— Ты когда-нибудь затыкаешься, чёрт недалёкий? Мне твои комментарии вообще тут не упёрлись. И можешь идти с ними в задницу.

— О, в твою жирнеющую задницу я с радостью схожу, — Квирк потянул руку в сторону её бёдер с нарочито похабным выражением лица.

— Хватит. Потом будете свои отношения выяснять. Сейчас задание. Сотский, что нам ещё нужно знать перед разговором? — На лбу у Потапа даже можно было разглядеть вздувшуюся вену.

Коллет выдохнула, прикрыв глаз, машинально погладила сокола по голове, будто искала в этом утешение, и только потом продолжила.

— Она порождение двух элементов. С ней нужно быть осторожным. Она не распространяет яд, как образец номер ноль, и в одном помещении с ней находиться можно. Но лучше всё-таки надеть маски, на случай если ей вдруг станет интересно, — она кивнула в сторону кожаной маски с трубкой, лежавшей на столе. — Особенно тебе, Квирк.

— Наши не подойдут?

— Дай взгляну, — Потап достал золотую маску из подсумка и показал, но, когда она попыталась взять её в руки, орман тут же убрал ладонь в сторону.

— Не-а. Так смотри.

Коллет недовольно скривилась и тихо цокнула языком.

— Скапыжа... Ладно.

Она внимательно рассматривала маску, не касаясь её. Символ на накладке вновь тихо засветился золотом. Второй глаз Коллет слегка прищурила, затем раздражённо потерла висок и отвернулась.

— Каждый раз удивляюсь, сколько напихали в эти блестяшки, и как вас ещё не разорвало на куски мяса от того, что вы их носите, — пробормотала она, снова потерев голову, видимо та снова заболела. Полувеликан молча убрал маску обратно в подсумок. — Да, подойдёт. Защиты хватит. Но всё равно лучше её не злить.

— Добро. Ты сказала, что элементов два. Второй кровь? Нам стоит этого опасаться?

— Верно понял, — Коллет слегка облизнула клыки. — Но эти и от этого защитят.

— Так если она даже ничего сделать не сможет, почто она нам? — скучающе протянул Финист.

— Научиться, — резко отрезала Коллет. — Она делает это инстинктивно. Так же, как дети вампиров выпускают клыки при виде тёплой крови. Но дети мало опасны. Их нужно обучать. Взращивать.

Девушка поднялась и подошла к стеклу. Пальцы легли на холодную поверхность.

— Образец семнадцать идеальна. Поверьте мне. Я знаю, о чём говорю.

— Идеальна или нет, мы это выясним, — спокойно сказал Потап. — Добро, сотский Коллет. Нам лучше поговорить с ней наедине. Дай нам время.

— Если всё-таки решите её убить, позовите меня, — сказала Коллет. Она убрала ладонь со стекла и машинально поправила одежду, на миг опустив взгляд.

— Что, прикипела к той, над кем издевалась? — рыжий хитро прищурился.

— Нет, Квирк. Это полезно изучить. Для нас, учёных, даже смерть лишь часть процесса.

Коллет подошла к двери, разделяющей помещения. Положила ладонь на знак, похожий на нижнюю челюсть зверя. Символ коротко вспыхнул и погас. Затем она прошла к шкафчику у входа, вытащила связку ключей и небрежно кинула её Потапу.

— Ладно, доблестные защитники. И ты, Квирк, — она бросила на рыжего короткий взгляд. Тот вновь ответил ей неприличным жестом. — Пусть Велес вам поможет и бла-бла-бла. Разберётесь сами.

Коллет стянула со спинки стула халат, накинула его на плечи и направилась к выходу.

— Я буду в трапезной, где она поди разберётесь. У входа оставлю кого-нибудь, — бросила она через плечо и, не оборачиваясь, вышла, оставив масок в первой части помещения.

— Ну что ж, пошли, Потап Михайлович. Пора изучить этот «образец», — на последнем слове рыжий сделал особенно выразительный жест руками, не скрывая презрения. — Для этой тетёхи все лишь образцы. Сквернавец! Тьфу. — Он сплюнул, нарочито метя прямо на стол, за которым ещё недавно сидела Коллет.

— То есть ты её по этой причине поносишь, а не потому, что она предпочла твоего брата? — спокойно заметил Потап.

— Ой, да на это мне плевать. Скучна она в постели, и даже посмотреть не на что.

Сокол невольно резко вскрикнул, расправив крылья.

— Твои вкусы, это твоё дело. Мои не тронь! — огрызнулся в саркастичной манере Финист, бросив на птицу косой взгляд. — Главное, что она смотрит на всех, и даже на нас с тобой, как... вон, на жидкость в той склянке. Ни искры уважения.

Он скривился, словно проглотил что-то горькое, подошёл к стеклу и задержал взгляд на девушке за перегородкой. В голосе впервые прорезалась не насмешка, а глухая, неприятная тень злости.

— И ладно я, или ты, Потап Михайлович. Но они же живые.

— Вот ты расчувствовался, — глухо отозвался полувеликан. — Пошли. Говорить буду я.

Орман надел маску и шагнул к двери. Квирк дождался, пока Уирик подлетит и усядется ему на плечо, после чего тоже водрузил маску на лицо. Потап вставил ключ в замочную сква-

жину и медленно повернул. Металл негромко щёлкнул. За стеклом девушка шевельнулась и резко села в углу, прямо на сбитую подушку. Грубая ткань соскользнула с её плеч и комком упала на пол. Движения были дёрганные, нервные. Теперь маски могли разглядеть её во всей пугающей красе.

Девушка была ногой. Худой до нелепости. При этом кожа на животе и груди, как и сами телеса, свисала плотными волнами, тяжёлыми складками. Кожи было заметно больше, чем плоти под ней. Это напоминало дряхлость перед самой смертью. Почти везде тело было покрыто крупными гематомами неестественного тёмного цвета, будто синь впиталась. Ногти на руках и ногах давно не стригли. Они загибались уродливыми крючьями в разные стороны и лишь из-за толщины ещё не обламывались. Спутанная копна чёрных волос спадала на лицо, но не скрывала его полностью. Длинный тонкий нос резко выделялся на лице. Губы были сжаты до тонкой линии, потрескавшиеся и местами кровоточащие. Чёрные глаза смотрели на вошедших злобно и настороженно, как у зверя, загнанного в клетку. На спине вздымался горб. Под кожей в нём словно переливалась жидкость двух оттенков, сиреневого и бордового, будто что-то жило внутри, медленно перекачиваясь. Руки и ноги были изрезаны во множестве мест. Открытых ран не было, но шрамы различались по давности. Одни ещё свежие, розоватые, другие старые, поблёкшие, словно их оставляли много лет подряд. Девушку трясло, будто от холода, хотя в комнате не могло быть сквозняков.

Рыжий сел на стул у стены, закинув ногу на ногу. Потап остался стоять у входа.

— Здравствуй. Прошу, не стоит нас бояться. Мы пришли лишь поговорить. Меня зовут Медведь. Это Финист. А как зовут тебя?

Девушка медленно перевела взгляд с одной маски на другую. Чёрные глаза блеснули недоверием.

— Медведь? Ты что, звей? Не человек?

— Хотя, в каком-то смысле я все же зверь. Но и не человек. Орман.

— Ты сказал, что медведь. А тепеь говоришь, что охмин. Вьёшь? — Жёлтые зубы у девушки скрежетнули друг о друга.

— Орман, это как человек, только... — Потап бросил короткий взгляд на Финиста. — Только повыше. А зовут Медведь. Так как твоё имя?

— Жихная и хоботы зовут меня обазец семнадцать.

— Их тут нет, и мы не хотим звать тебя «образец». — Подал голос Финист. В его тоне было меньше шуток, чем обычно. Потап едва заметно повернул голову в его сторону, но промолчал.

Девушка перестала скрежетать зубами и трястись. Она повернула голову в его сторону, словно зверь, изучающий добычу.

— Ядвига. Так меня звала настоятельница в пхьюте. — Она хрипло хмыкнула. — Тепеь я, навехное, и не Ядвига. Но вы так звать можете. Мне всё хавно. А ты тоже охмин?

— Нет, я человек. Как и ты. Этот здоровяк хоть и не человек, но ближе к человеку, чем та «жирная». Сколько тебе лет?

— Лет? Не знаю. Забали, когда было десять.

— Что тут с тобой совершали? — Потап заговорил снова

Девушка прищурилась, в глазах вспыхнула злая искра. Она сползла из угла и нарочно села на кровать в открытой позе, не стесняясь того, что открылось взгляду масок.

— А что, хотите повтохить?

— Нет. Нам это без надобности, — ровно ответил Потап, не отводя взгляда.

— И для чего? Вам жихная не хассказала всех ладостей своего обазца?

— Нам нужно понять, насколько ты можешь мыслить и чего ты хочешь.

— Мыслить? Хочу?

Девушка захохотала так резко и громко, что свалилась на кровать набок. Тело дёргалось в припадке смеха, пальцы судорожно сжимали истёртую простыню. Потом она так же внезапно вскинулась, уставившись на масок мутным, злобным взглядом. Губы растянулись в злобной ухмылке, в которой не было ни капли веселья.

— Убить. Захезать. Сгысть. Хоботов и особенно жихную. Её я хазохву на мелкие куски. Понемножку. Чтобы кхичала.

— Это можно... — тихо буркнул рыжий. Орман резко повернул к нему голову. — Что? Я лично не против, — пожал плечами Финист.

— Что они с тобой делали? — Потап снова перевёл взгляд на девушку. Голос у него остался ровным и глухим.

Повисла тяжёлая тишина. В ней слышался только скрежет жёлтых зубов Ядвиги и неровное, сиплое дыхание. Она смотрела на них, не моргая.

— Сначала кобили. Чем-то отвязительным. А когда выплёвывала, заталкивали палкой. Потом вливали. Пыходила жензина. Учила меня читать и писать. Давала мне какие-то знаки. И пьосила их дьехжать... годами. Хезали. Выхезали эти знаки на теле. Вот тут, и тут... — она слегка дёрнула плечом. Ядвига замолчала на миг, взгляд её скользнул в сторону, в пустой угол комнаты.

— Однажды пьишёл один из хоботов. Пока дьугих не было. Он меня хазбудил тем, что засовывал свой отьосток мне между ног. Больше у него нет отьостка. Я сломала ему ногу... и отгхызла.

Девушка на этом месте сделала паузу и слегка улыбнулась, глядя куда-то мимо масок.

— Жихная даже улынулась. Потом я стала гхызть их чаще. Хезать стало тьуднее. Они стали охьожнее. Потом пьишёл один. Стьянный. Стоял вон там... и что-то хезал. И был постоянно. Я слышала, когда откьывали дверь. Но двигаться стало тьудно. Один из хоботов разбил какую-то склянку. Потом сел рядом. И тогда я уснула. Когда пхьоснулась... я уже была такой. Ну и как тебе, охмин Медведь... мои мысли?

— Что ты умеешь?

— Вот так сразу? Серьёзно? Она тебе душу излила, а ты ей допрос устроил, Медведь? — Финист вскочил, голос его сорвался на крик.

— Я тебе сказал. Говорить буду я.

— А вы, я смотхью, дьужны. Что умею? Гхысть. Хошь твоего дьуга схгрызу?

Она поднялась с кровати и подошла вплотную к обоим маскам, медленно облизывая узкие, потрескавшиеся губы. Движения были резкими, от чего складки кожи тряслись словно волны.

— Что, больше не боишься? — Финист повернулся так, что его маска оказалась почти вплотную к её лицу.

— А я и не боялась, — прошипела Ядвига. — Я ничего больше не боюсь. Даже вас.

— Почто ж ты тряслась, когда мы зашли?

— На случай, если скажу убивать будете. Да, я же знаю, о чём вы говорили. Научилась читать по губам, — она постучала пальцем по рту. — Тут же не слышно ничего. Только тишина. Вот и научилась. Повтохяла.

— Ты разве не спала лицом в стену? — Потап слегка нахмурился.

— А я пяткой.

Девушка резко подпрыгнула на кровать и задрала ногу. Кожа на голени с мерзким влажным звуком поползла вниз, словно плохо сидящий кафтан. На пятке за пару мгновений распахнулся фиолетовый глаз, голый, без век и ресниц.

— А что, вы так не умеете?

— А вот это уже интересно, — протянул рыжий и, прищурившись, подошёл ближе, наклоняясь, чтобы рассмотреть странный глаз.

— А ты, хыжий, мне сразу понявился тем, как называл ту жихную.

В ту же секунду глаз на пятке широко распахнулся, за которым раскрылся рот с кривыми клыками и тёмным языком. Рот резко плюнул прямо в золотую маску Финиста.

— Что за чёрт! — Он отпрянул, едва не споткнувшись,

А Ядвига разразилась сиплым, злым смешком, подпрыгивая прям на кровати, будто ей доставляло особое удовольствие видеть, как он шарахается. На золотой маске Финиста зашипела и запарила сиреневая жидкость. Рыжий дёрнулся и попытался стереть её плащом, но от этого стало только хуже. Жидкость исчезла с маски, но шипение не прекратилось, наоборот, теперь задымился и сам плащ. Финист торопливо тёр пятно, суетился, размазывая его всё шире, и с каждым движением дым расползлся дальше. Ядвига захлёбывалась смехом, наслаждаясь его беспомощной вознёй. Потап резко перехватил Финиста за запястье и остановил.

— Смотри. Дырок нет. Как и сказала сотский, масок хватает. Успокойся.

Квирк замер, перестал тереть. Так и стоял, чуть наклонившись, дымясь, как потухший костёр после дождя. Ядвига постепенно перестала смеяться и, фыркнув, снова уселась на кровать, внимательно наблюдая за ними из-под спутанных прядей волос.

— Повторить сможешь?

— Что? Плюнуть? — девушка смачно набрала слюны в рот и плюнула на пол перед ботинком Медведя. На камне расплзлась прозрачная, вязкая лужица.

— Не так. Как до этого, — кивнул Потап на дымящегося напарника.

Ядвига снова злобно ухмыльнулась, обнажив кривые жёлтые зубы. В тот же миг всё её тело словно дёрнуло изнутри. Обвисшая кожа, что секунду назад свисала тяжёлыми складками, зашевелилась, пошла волнами и начала меняться. По ней, будто по живому полотну, прорастали новые отверстия и искажённые органы. Рты раскрывались там, где их не должно быть. Глаза вспухали под кожей и прорывали её фиолетовым блеском. Влагалища мерзко хлюпали, раскрываясь и сжимаясь. Уши и носы вырастали криво, перекошенно, как наросты на больном дереве. Всё это возникало беспорядочно. Из множества ртов торчали жёлтые клыки. Фиолетовые глаза смотрели в разные стороны, не мигая.

И в следующий миг из всех этих искажённых отверстий хлынули жидкости. Из одних потекла густая кровь. Из других вытекли чёрные слёзы. Из третьих брызнула фиолетовая слюна.

Кровать, стол, стены и пол мгновенно покрылись этой мерзкой смесью. Маски успели вскинуть плащи, прикрываясь, но даже ткань зашипела и задымилась. Дерево мебели на глазах вздувалось, темнело, становилось рыхлым, будто старый сыр, который забыли в подвале на годы. Материя на кровати съёживалась и шла пузырями. Предметы мебели стали больше похожи на дуршлаг, чем на цельный кусок дерева и ткани. Лишь маски и их одежда оставались целыми, отражая в себе эту жуткую картину.

— Ну что, бховастый, подхожу я вам, куда-то там, или убьёте?

Ядвига захохотала всё тем же злым, сорванным смехом. Лишние отверстия на её теле начали медленно исчезать. Искажённые рты захлопывались, фиолетовые глаза втягивались под кожу, уродливые наросты оплывали и расползались, снова превращаясь в отвисшие, дряблые складки плоти. Тело возвращалось к прежнему, измождённому виду. За исключением горба, его не было.

Смех захлебнулся. Ядвига закатила глаза и пошатнулась. Ноги подогнулись, тело повело в сторону, и она начала падать. Финист среагировал мгновенно. В один прыжок оказался рядом, подхватил её под плечи и, придерживая, неожиданно тяжёлое тело, бережно уложил на продырявленный матрас. Девушка уже не дёргалась. Дыхание стало ровным. Маски переглянулись и направились на выход.

С их плащей всё ещё поднимался сиреневый дым, ткань тихо шипела, но стоило им переступить порог во вторую комнату, как дым тут же рассеялся. Потап запер дверь на ключ. Подо-

шёл к выходу с уровня, коротко бросил стражнику у двери, чтобы позвал Коллет, и тяжело опустился на стул, снимая маску. Финист тоже снял свою, провёл ладонью по лицу и выдохнул.

— Заметил, Потап Михайлович?

— Заметил, — протянул орман. — Думаю, она нам подойдёт. Но её придётся выучить и выдрессировать, иначе сама себя погубит.

Сокол, повисший перед стеклом, коротко и резко крикнул. Квирк и Потап подошли ближе, вглядываясь в комнату.

— Быстро же, — тихо бросил Потап. — Значит, точно пригодится.

Все трое молча наблюдали, как горб, исчезнувший прежде, медленно снова наливается плотью. Кожа на спине Ядвиги натягивалась, уплотнялась, будто под ней перекачивалось что-то живое и тяжёлое. Девушка спала, сжавшись на истерзанной кровати, дышала неровно, но глубоко.

С каждым мгновением рассмотреть происходящее становилось всё труднее. Сиреневый дым, поднимавшийся от разъеденных пятен на полу и мебели, густел, стлался по комнате, тянулся к стеклу бледными, едкими языками, и фигура Ядвиги постепенно тонула в этом мутном мареве.

Рассказ О... Великолепном Зиги, который просто обожает лечить

867 год после Озарения

— Эгегегей, народ! Подходи шшкорей, излечи недуг швой, хоть магичесшкий, хоть физичесшкий! А ешшли у ващ шуществует неизвешшное образование, ш меня шкидочка!

Это был гном. Обычный, хотелось бы сказать. Но он все же был необычный. Одет он был в большой балахон, похожий на плащ с множеством карманов, темного цвета. Хотя скорее он был просто грязный. Очень грязный. Когда гном шел, прихрамывая на левую ногу, низ балахона волочился по земле, подметая все вокруг. Даже можно было пройти по его следу весь путь, где он ходил, так как в Подводном городе о чистоте и благоустройстве дорог и троп никто не заботился.

А лицо у гнома... проще было назвать место, которое не было обожжено, искалечено, сломано или искажено. Волос не было. Ну как не было... Среди бугристой лысины можно было разглядеть седую щетину, которая, как ни странно, не росла. Будто застыла на одной длине. А сбривать ее было бесполезно. Очень своеобразное проклятие. Что совершенно не беспокоило громкого и звонкого гнома. Ну как звонкого... будто сама природа или боги не могли остановиться и наградили его еще и шепелявостью. А в моменты, когда он врал, по еще одному крайне неприятному проклятию, он начинал заикаться.

Звали его Сигизмунт. Сигизмунт Великолепный. Ну как «Великолепный» ... он сам себя так называл. От рождения же он был Солдриние, сын Туримара из рода Гизойд, рождённый в городе Кломишно. Однако, решив пойти в торговцы и выучив язык людей и великанов, он справедливо счел, что имя нужно попроще. И да. «Великолепный Сигизмунт» в его личном понимании означало «попроще». Все, кто знал его ближе, звали его Зиги. Ему это не слишком нравилось, все-таки он придумал себе такое красивое имя. Но чего он ждал, живя в городе, полном бандитов и пиратов. К слову, именно благодаря этому его внешний вид не вызывал лишних вопросов. Ну как не вызывал... насмешки, подколы, иногда даже жестокие. И постоянные одинаковые подначивания постояльцев таверны, где он жил.

Но ничто из этого не заставляло его унывать. Он задорно, все так же прихрамывая, тащил свою повозку от таверны к большой дороге. Площади в этом темном месте не было. И уж тем более торговой. Моряки торговали прямо со своего корабля, если возникала необходимость. Да и покупателей чего-то «обычного» тут тоже не было. Фрукты, ткани, украшения — ничего подобного здесь не найти. По крайней мере, добытого законным путем.

По большей части Подводный город представлял собой одну большую бухту на островке с горой. Когда-то тут был вулкан, который благодаря магии давно стал полностью безопасным. Чего нельзя сказать о тех, кто тут поселился. В давние времена Джо Деурус был одним из немногих оборотней, кто не желал подчиняться. Сбежав от хозяина вместе с группой магов, они захватили бригантину и отправились покорять моря. И найдя этот остров, с помощью своих сил, они и создали Подводный город. Так гласит легенда и байки, что рассказывают умирающие от старости пираты. Если бы Джо решил вернуться и увидел Сигизмунта, он бы точно извергнул вулкан обратно, чисто от возмущения.

Только знающие могли добраться сюда. Только те, кто заслужил доверие уже бывавших тут. И Зиги.

Покинув свои родные края в поисках счастья, он попал во все семь бед морей. Шторма, звери, скалы. Боги, видимо, уже тогда не хотели, чтобы он покидал свои земли. Да и гномы

мореплаванию никогда не славились. Гномы веками жили рядом с разломом, что позволило им чувствовать нематериальные силы мира. Но не море. Но Сигизмунт был не такой. Он был юн, горд, силен, храбр, умен. И просто «великолепен» в своих заблуждениях о себе. На самом деле моряки, да и само королевство, очень долго искали этот остров. Но магия оберегала его от чужих глаз. А вот Зиги попал на него случайно. Его лодка, которая уже скорее напоминала плот, случайно причалила прямо в пещеру, единственный вход в Подводный город. Да не один, а с ослом! Его верный друг, упертый ровно настолько же, насколько и хозяин.

Местные были настолько в шоке, что какой-то гном с ослом вообще доплыл до этого места, что даже помогли. Ну как помогли... Первое время. Пока было интересно. Ну и пока гном не выучил язык и довольно быстро не понял местные порядки. Гномы в этом мире редкость, а уж на острове бандитов тем более. Потом интерес утих, и Сигизмунту пришлось думать, что делать дальше. Колдовать он умел, по сути, это было единственное, что он умел. Из досок, что когда-то были его кораблем, а потом лодкой, а потом плотом, он соорудил себе телегу. Колеса выменял на остатки обломков у барменщика, а тот потом топил ими печь.

Осел гордо занял свое место во главе телеги и целый один раз сходил с Сигизмунтом в поисках места, где будет удобно торговать своими умениями. Проходя мимо команды, что только сошла на берег, осел наступил на ногу одному низкорослому, но все еще не гному, головорезу. Тот, естественно, начал кричать и угрожать бедному гному, который от заиканья кое-как смог договориться о лечении ран у этого низкорослого и у его лысого друга, что подошел посмеяться. После долгого плавания команда подхватила какую-то холеру, что заставляла низкого и лысого опорожнять кишечник при попытке поесть хоть что-нибудь. Естественно, это было не очень приятно.

И Великолепный Сигизмунт, гордо раскинув руки, начал проводить свой ритуал. Прядь волос и капля крови пациента. Несколько трав с телеги. Мокрый мох. Харчок врача. И, конечно же, ослиная моча. Растереть по лбу и животу, повторяя при этом нужные слова. И холера пройдет, чуть шепча.

Возможно, был упущен важный момент сей истории. Зиги был... специфичным целителем. Да, он лечил. Но после излечения у пациента появлялись десятков новых болезней, какие-нибудь мутации и прочие, последующие, ампутации.

Вот и низкий от этих манипуляций побледнел, вспотел, пожелтел и испачкал свои штаны. Это, не говоря про пару лишних кончиков пальцев, что выросли на месте того, где Зиги втирал свое «лечебное зелье». Ну и впал в пьяное буйство, куда же без этого. Пациент неистово и крайне неуклюже махал своей саблей, пытаясь попасть по гному. Но вместо этого он случайно попал по своему другу, телеге, земле и, что самое грустное, ослу. Голова животного медленно покатила по земле, и желтый даже случайно об нее споткнулся. Лысый, конечно же, был не рад такому и поспешил расправиться с гномом. Но подошедший капитан, что раньше слышал о странном гноме, остановил всю эту вакханалию. Отправил своих лечиться, а Зиги сказал: будем считать, что твой осел это оплата за беспокойство моих людей. И отпустил восвояси.

Конечно, Сигизмунт горевал. Он сделал с помощью своих сил из головы осла чучело, которое, между прочим, воняло не хуже, чем его затхлые припасы, и водрузил на телегу. И с тех пор он сам возит свои припасы. Если говорить о том, чем была наполнена повозка, то тут все просто. Ингредиенты. Все, что плохо валялось, падало, выменивалось и даже кралось у местных. Что-то уже стухло и заплесневело, но от этого даже лучше эффект, как говорил малыш Зиги.

И с тех пор он выходил на большую дорогу, или к причалу, или возле таверны, или куда получалось. И кричал свои шепелявые возгласы в поисках новых покупателей. И даже лучше было бы, если эти покупатели окажутся не из числа извечных обитателей острова. И слава самому Джо Деурусу, что покупатели находились. Жаль только, что постоянных не было. И что самое удивительное, сам Зиги все еще жил и даже здравствовал. Правда, приходилось

иногда отдавать деньги, защищаться и убегать хромая. Хорошо, что его «излечения» в этом ему помогали.

Вернемся же к Великолепному Сигизмунту, что искал у кого-нибудь какое-нибудь образование. К нему как раз сейчас подходил один из молоденьких моряков, что пытался обойти колонну рабов. Он держался за свой бок, по сути, даже обняв живот, видимо, у него болело что-то с левой стороны. А левой же рукой он опирался на какую-то обломанную палку. Палка была слишком ровной, чтобы быть «обычной».

— О! Шшмотрю, у ващ недуг вот тут... Я могу излечить ващ. Покажи швою рану, а я шкажу тебе оплату.

— Что? Где? — подходивший парень, видимо, просто проходил мимо, а вовсе не шел к нему в этот момент. И очень удивился этому крику. А когда осмотрелся, понял. Звук исходил снизу, рядом с этой телегой. — Ой фу... а, гном? Вот это... ффф... удивительно, — последнее слово он произнес сквозь зажатый рот, издав странный присвист, от боли, морщась еще сильнее.

— Ох ты ж, давай шадишыш сюда, я помогу, наверно, лушше приляг, и руку убери! А я пошмотрю, — Зиги торопливо зашаркал балахоном, пытаясь подвести паренька к телеге, чтобы тот хотя бы облокотился.

Убрав руку с бока, моряк обнажил большую рану, которая уже не кровоточила. Ее прижгли второпях, видимо, чтобы не занести инфекцию. Действенное средство, если нужно быстро вернуться в бой. Однако крайне бесполезное, если задеты не только поверхностные ткани.

— Какая рана, какая рана! Вот это кара, так кара! Видимо, бой был не шлабый. Кто же так лечит? Так лечить нельшзя!

— Ушлый торгош попался. Охрану взял... да не простую. Копье сломали... задело меня... ффф... ааа... меня задели, и нуж... ффф... а потом еще неделю сюда... На другой день болеть стало до... короче, лечи давай. Оплачу...

— Ох ох ох, ну конечнош полечшим, дорогой, ну конечнош, полежи...

Зиги полез в свою телегу под ткань, почти полностью скрывшись, только ноги торчали. Внутри что-то активно копошилось с той самой ушлой умелостью, какой он и бравировал. Слышалось дребезжание скляночек, какие-то ворохи, шорохи и даже... Пук? Буф? В общем, что-то подозрительно похожее на хлопок. Наконец гном вылез. Его лицо и верхушка балахона были в какой-то черной копоти, которая почему-то сверкала от огня фиолетовым отливом. В руке у улыбающегося коротышки был глиняный сосуд со сколами. Видимо, и его он где-то стянул. Другую руку он держал крепко сжатой в кулаке, явно скрывая еще какой-то «ингредиент». Подойдя к больному, Зиги поставил сосуд рядом, раскрыл ладонь, и оттуда сразу выпрыгнул один из сверчков. Гном, разумеется, чертыхнулся на своем, но быстро решил, что ловить его слишком долго и неэффективно.

— Ну что ж... Начнём. А вы, больной, лежите и не мешшайте процессу, как бы не хотелосш.

Сигизмунт положил одну руку на другую и вытянул их перед собой так, чтобы оставшиеся четыре сверчка продолжали висеть в своей импровизированной клетке. Слова начали срываться с губ врачавателя очень тихо, почти шепотом. Разобрать их было невозможно, они звучали на родном языке гномов, да еще и с особым, исключительно важным для ритуала акцентом наречия. Рана была глубоко внутри, да еще и неясная, поэтому требовалась аккуратность. Постепенно голос стал громче. Одновременно с этим он сжал ладони, раздавив сверчков. Характерный противный хруст подтвердил их гибель. Тот сверчок, что сбежал, наверняка сейчас радовался своей прозорливости после услышанного. Продолжая длинное заклинание, Сигизмунт опустил мертвых сверчков в стакан, небрежно стряхнув с рук остатки. Затем взял сосуд и начал медленно кружить жидкость, перемешивая. А ритуал все продолжался. Обычно

Сигизмунт управлялся быстрее, но сейчас он не спешил. Даже привычных шуточек не было. Вытащив из одного из карманов небольшое лезвие на палочке, он кольнул им палец парня и накапал кровь в жидкость. Забурлило. Пошел дымок. Почудился запах свежескошенной полыни и мокрой шерсти. И наконец врачеватель замолчал.

— На, держиши. Тебе надо это выпить. Полноштью! Не пролей ни единой капли.

— Что это за бурда?

— То, что поможет... не вихтехворышся, а пей.

Приподнявшись настолько, чтобы можно было пить, парень начал вливать в себя жидкость. Морщился, кривил лицо, но терпел и глотал. С каждым новым глотком место его боли начинало дымиться и заметно бледнеть.

— А-а-а, вот это жуть противная, хуже бормотухи старика Брома! — паренек резко отстранил стакан и сунул обратно. — Так и что теперь? Пройдет?

— А разве не прошло ещё? Должно, должно было

— А... стой... и правда, — лицо парня постепенно разгладилось, боль отступила, будто устыдилась собственной назойливости. — Ничего себе... ты и правда врач! А я уж думал, помру... а... это что?

— Зато раз и наружшу, удобно жше! — довольно сообщил Зиги. — Ну, доплачивать за это не нужно, и благодарить тожше... чистый бонус. А за лечение с вас лишь маленькая, скромная плата. Всего двещет восемьдесят золотых.

— Сколько?! Ты что, оборзел?! А это вообще что?! Откуда?! Ааа!!

На том самом месте, которое паренек недавно зажимал рукой, пытаясь заглушить боль, где копошился Зиги и откуда еще секунду назад валил дым, теперь раскрывался аккуратный, невозможный и абсолютно безобидного вида рот. Именно оттуда, к слову, и раздавалась речь. Паренек даже не успел понять, что настоящая пасть на его лице исчезла, оставив вместо себя гладкую кожу.

— Ингредиенты ны-ны-нынчше дорогие! Между прочим, шинепештрый ки-ки-кипариш, яйцо шильрийского медведя и зерно у-у-уштречной водоросшли достать о-чш-е-нь ш-ш-шложшно, и стоят они зверски! А я на тебя по-по-последнее потратил! Так что давай-давай, не шкупись! А то боль в-в-верну!

— А как же я теперь... — моряк продолжал в шоке наблюдать за тем, как боковой рот на его коже шевелится, будто это самое обычное дело. Он трясущимися пальцами ощупывал своё лицо, не находя ничего, кроме ровной кожи. Похоже, его мозг сейчас не был способен на адекватное осознание произошедшего и возмущения. Может из-за внутренней вежливости, а может и бормотухи Зиги, а может и из-за того же шока. Иначе он бы хотя бы задумался, насколько правдоподобно звучат ингредиенты, которыми размахивал Сигизмунт. Но вместо того он полез в кошель и начал отсчитывать монеты.

— Сто. И ни монетой больше... иначе... — пробормотал он, даже не успев уточнить, какое именно «иначе», как его прервал гном.

— Этого вполне достаточно! Прекрасшшно! А теперь, прошшу прощшения... — Зиги уже нервно косился на дорогу. — Не могли бы вы шлезть с повозишки? Мне срочно надо к д-д-другим пациентам. Очень, о-чш-е-нь надо.

Он прекрасно понимал: как только морок спадёт, и моряк осознает масштабы личного апокалипсиса, лучше быть где угодно, только не рядом. Тем более целых сто монет! Больше, чем этот хромой лекарь получал обычно. Он быстро вскочил на своё место, натянул поводья и прихрамывая умчался прочь.

А бокоротый моряк остался посреди большой дороги. Стоял, глядя в пустоту, даже не пытаясь думать. Вряд ли в его голове сейчас была хоть одна уцелевшая мысль.

Ох и ждало же утром удивление нашего Великолепного Сигизмунта, когда узнал: паренёк тот оказался не простым, а сыном одного из капитанов Шестерки. Причём именно того,

который отличался любовью к экстравагантным, относительно местных устоев, решениям. В общем, клиент оказался из тех, кому лучше не оставлять боковой рот в подарок. В место отдыха Зиги пришли люди. Через пару минут он уже стоял в кандалах для рабов, а его попытки объяснить заикаясь, что это все временно... ну, не нашли понимания.

Через месяц плавания, в ходе которого он успел вылечить одному матросу мозоли, при этом наградив того геморроем, Сигизмунт оказался на материке. Там капитан, «заботливо» передал его знакомому бургомистру. А тот послушав историю не мог прекратить смеяться. И пристроил его к себе в качестве шута. Смех, к сожалению, быстро ушел, когда у прекрасной гостьи в момент лечения кашля... в общем, когда у нее вырос орган, больше, чем орган ее клиентов. Потому бургомистр не стал рисковать все же просто отправил его в темницу Кудымар, как и просил его друг изначально.

Жаль только, что ни кандалы, ни тюрьмы, ни расстояния не унимали спесь и азарт врача-вателя. Он лечил всех. Заключённых, стражника, крыс, тюремного пса по кличке Бирс, который теперь предпочитает, чтобы его звали Генри и даже одну доисторическую плесень, выросшую в углу. Даже когда его спустили на другой уровень, он продолжил. Даже когда заперли в одиночной камере. Даже когда привязали к койке двумя кожаными ремнями.

В общем, Зиги упорно продолжал помогать людям. Даже если они того, не хотели.

История О... Белом звере и поиске пива для сварливого старика

1 054 год после Озарения

Праздник заполнил улочки небольшого городка Аймвал. Смех, еда и странный шут, явно уставший от своей работы. Пиво и вино текли рекой. Однако если приглядеться внимательнее, становилось заметно: обычные жители уныло бредут мимо площади — по крайней мере, те, кто не работает в лавках и тавернах. Всё веселье исходило от приезжих, которых здесь было немало — благодаря удачному расположению города на карте, а также немногочисленной знати и их семьям.

Бургомистр Аймвала, по имени Радим, обожал праздники и устраивал их чуть ли не каждую неделю. Деньги появлялись будто из ниоткуда, а самой престижной и прибыльной профессией в городе считалась работа музыканта.

Когда-то здесь творили кузнецы и ювелиры, о которых говорили, что они куют для самих богов. Город процветал и был прекрасен в своём простом великолепии. Как ни странно, но даже бандиты в прошлом обходили его стороной. Среди жителей ходило поверье, будто однажды сами Магура и Поревит — богиня битвы и бог мира — проходили мимо. Им так понравились меч и щит, выкованные местным мастером, что они объявили Аймвал территорией, свободной от битв.

Разумеется, почти у каждого города, где жил более-менее искусный кузнец, имелась своя легенда о визите богов. А те, кто мог бы рассказать, как всё было на самом деле, давно уже в земле.

Но с тех пор, как к власти пришёл этот подхалим и взяточник Радим, все умелые мастера покинули город: кто — в Керч, кто — в Житосмир, а кто и вовсе в Кровен. Мало кто, кроме самих уехавших, знал, что и за пределами Аймвала судьба их была не лучше. Самой удачной можно было назвать только участь Мыслана.

По дороге он попал в руки разбойников Артита. Семью его убили сразу, а самого Мыслана долго заставляли чинить оружие для банды. Когда же силы его иссякли, Артит — по своему высокомерию — решил, что с него хватит, и захотел забрать душу этого доброго великана. Жаль только, что как раз в тот момент Золотая армия получила приказ уничтожить банду. Мыслана спасли, но часть его души навсегда заполнил любимый металл. Воспоминания о семье и чувство утраты исчезли бесследно.

Зато взамен он обрёл силу, благодаря которой стал величайшим кузнецом всего Сангустера. Именно он выковал кинжал, что носит на поясе дочь Владислава.

Однако всё это в прошлом. Сейчас Аймвал праздновал День Редиски. Самой обычной редиски, которой накануне кто-то угостил Радима. Местные даже не удивились столь внезапному празднику — как и тому, что уже на следующий день про него забудут все, включая самого бургомистра.

А вот для Белояра всё происходящее казалось до ужаса странным. Он не привык к таким бессмысленным увеселительным мероприятиям. Орман с суровым видом, он выглядел чужеродно среди веселящихся горожан. Жилетка на голом, явно перекачанном теле служила лишь одной цели — чтобы огромная двуручная алебарда, закреплённая за спиной, не скользила. Растянутые крестьянские штаны на потёртом кожаном поясе и босые ноги дополняли образ. Однако это был осознанный выбор.

Во время превращений в белого барса вся другая одежда неизменно рвалась, а немногие сбережения уходили на новую. Это надоело. Из рта постоянно виднелся выпирающий клык, а глаза — жёлтые, кошачьи — светились в темноте даже в человеческой форме.

Хозяина у него не было. Белояр так и не нашёл того, кого бы уважал настолько, чтобы подчиниться безоговорочно. Из-за этого оборотническая натура не раскрывалась полностью. Он скитался из города в город, выполняя мелкие поручения — в основном для трактирщиков — в обмен на еду и ночлег.

Сейчас его путь лежал на юг, в город Керч. Он слышал, что там живёт некий барон, обладающий силой и харизмой древнего вампира. Возможно, именно он достоин присяги Снежного.

Кратчайший путь вёл мимо Аймвала... и его праздника редиски. Вечер близился, народ начинал расходиться. Осмотрев здания на площади, Белояр заметил две вывески: «Пьяный путник» и рядом — «Сонный путник». С фантазией у здешних, похоже, было туго.

В голове всплыло воспоминание о «Кошачьем Колобочке» — трактире, где за возможность его погладить в звериной форме, угостили лучшей оленьей вырезкой. Конечно, с человеческой не сравнится, но было очень достойно. Здесь таких любителей кошек вряд ли найдётся. Чем дальше от столицы, тем реже он встречал своих братьев по ликантропии.

Белояр заметил мужчину в фартуке, который громко спорил с дородной женщиной с подносом в руках. Они направлялись к «Пьяному Путнику», у входа в который уже томился дворф — в длинном плаще и широкополой шляпе. Мужчина с фартуком медленно открыл дверь ключом, и вся троица скрылась внутри.

Музыка на площади уже стихла, торговые лавки разбирались и грузились по телегам. За последние пару часов, что Белояр наблюдал за происходящим из переулка, он успел понять, кто здесь местный, а кто — нет. Он видел и самого Радима с его помощником Манве. Если бы ему заплатили за их головы, он бы мог убить их раз семь. Но ему не заплатили. А монет в кошельке давно не было.

По дороге в город он перекусил — поймал и загрыз дикого кабана в лесу, но это было еще вчера. В животе жестоко заурчал маленький Барсик. Теперь, когда народ почти разошёлся, можно было наконец направиться в трактир.

Помещение внутри оказалось просторным, но столов было подозрительно мало для такого зала. У одного из них, у дальней стены, сидел тот самый дворф. Белояр уловил острый, цепкий взгляд из-под полей шляпы. Такой взгляд он узнавал всегда. С этим дворфом явно не стоило шутить — и лучше было не привлекать к себе лишнего внимания. Был ли тот охранником, или просто странником вроде него самого — непонятно. На празднике его точно не было. Появился он только теперь, вместе с трактирщиком.

Из-за дверцы за стойкой доносились голоса — мужской и женский. Судя по всему, последняя бочка пива подошла к концу, а поставщик так и не приехал, хотя должен был быть ещё пару дней назад. Мужчина громко возмущался, что теперь ему самому придётся ехать в Голомашки, закупаться прямо у пивовара.

Орман сел на стул у стойки, бросив взгляд сверху вниз — сначала на дворфа, а точнее на его шляпу, закрывавшую почти весь обзор, затем — в сторону кухни. Он молча ожидал, когда из-за двери появится хозяин трактира.

Голоса на кухне стихли, и спустя мгновение в зале появился коренастый лысый мужчина с добрыми, но усталыми глазами и пышными усами. Увидев такого огромного посетителя, он невольно замер.

— О, прошу прощения, но мы уже закрыты, — сказал он, не без растерянности. Он не был трусом, но таких великанов на местных землях ещё не встречал. Особенно таких, за чьей спиной висело явно использованное и дорогое оружие. — Но если вы хотите перекусить, я попрошу дочь что-нибудь сварганить на скорую руку...

— Не стоит, — коротко ответил Белояр. — Скажите, нет ли у вас какой работы. Я наёмник.

Такое предложение застало трактирщика врасплох.

— Работы?.. Да и... оплаты сейчас нету, — развёл руками тот.

— Могу за еду и ночлег, — голос был громким, но будто заученным. Белояр не любил пустых разговоров.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга: Барс — в ожидании, трактирщик — в мыслях, стараясь сообразить, что можно предложить. В этот момент из кухни вышла девушка.

— Пап, тебе в дорогу что сложить?.. — начала она, но, заметив гигантского гостя, тоже замерла с удивлением в глазах.

— В дорогу? Точно! — будто очнувшись, Руслан посмотрел сначала на дочь, затем на Белояра. — Слушай, охранником пойдёшь? Мне нужно в Голомашки, к пивоварне. День пути. Если поможешь — договорюсь с Олесей насчёт ночлега, накормим, верно, Анна? Защита и транспортировка.

— Согласен, — спокойно произнёс Белояр, вставая со стула. Его фигура теперь казалась ещё более внушительной. Он протянул руку через стойку — шрамированную, крепкую.

— Белояр.

— Руслан, — тихо представился трактирщик и пожал руку.

— Пап, ты уверен?.. Он... похож на бандита, — прошептала девушка отцу, но острый слух Белояра уловил каждое слово. Руслан коротко махнул рукой.

— Отправляемся с рассветом. Повозка у меня своя.

— Ночлег на сегодня. Аванс, — напомнил Белояр.

— Ночлег... ну хорошо. Подходи к постоялому дому, я сейчас подойду, — кивнул трактирщик.

Белояр развернулся, краем глаза отметив, что дворф встал и двинулся следом. Он направился к соседнему зданию — всё верно, «Сонный Путник» оказался постоялым домом.

Внутри, за небольшой стойкой, сидела полная седая женщина в очках. Она что-то читала и больше напоминала учительницу, чем хозяйку постоялого двора. Барс остановился, ожидая Руслана. Дворф, шедший за ним, прошёл мимо, подошёл к стойке, что была выше его головы, и аккуратно постучал. Женщина сначала взглянула на Белояра, а уже потом, немного приподнявшись, заметила дворфа.

Не сказав ни слова, она взяла со стены ключ и протянула его коротышке через стойку. Тот, приняв его, прошёл к лестнице, одарив Белояра всё тем же острым взглядом исподлобья, и скрылся на втором этаже.

Руслан быстро переговорил с хозяйкой, которую, судя по всему, звали Олесей. Барсу вручили ключ от комнаты номер пять. Маленькая комнатка оказалась простой: кровать, тумба, узкое окно. Но этого было достаточно. Он снял алебарду и, не раздеваясь, положил её у двери — так, чтобы оружие прижало створку и при случае разбудило. Сам он рухнул на кровать и мгновенно уснул.

Утром, не встретив никого на выходе, Белояр оставил ключ на стойке и направился к трактиру. Там Руслан уже загружал в уже запряжённую повозку пустые бочки. Белояр без слов подхватил оставшиеся и легко поставил их на телегу.

— Доброе утро, — только и успел сказать Руслан. Барс лишь молча кивнул.

Из трактира вышла Анна, дочь трактирщика. В руках у неё была наполненная сумка. Она хотела передать её отцу, но, не сразу заметив Барса, протянула сумку именно ему. Он взял её, и только в этот момент Анна подняла сонные глаза. Даже коротко вскрикнув, она резко притянула сумку к груди, что было не очень легко, ведь Белояр уже держал её своей крепкой

хваткой. Из-за этого сумка неуклюже раскрылась и почти рассыпала содержимое, если бы Анна всё же не отпустила руки. Барс, связав сумку вновь, бросил её в повозку.

— П-п-папа! — позвала девушка. — Ты всё-таки уверен в этом... наёмнике?

— Слушай, доча, я же говорил вчера: если бы он был бандитом, ему не нужно было бы проситься в дорогу. Он просто солдат... наверно. Вы же солдат? — последний вопрос был адресован уже Барсу.

— Нет, — коротко и спокойно ответил Белояр.

— Ладно! Но будь осторожен. Я тебе... вам сложила там еды в дорогу. Только ты сам это доставай, ладно? Чтобы он не... Сыр, сухари, немного вяленого... — Анна посмотрела на Барса. — Может, побольше положить? А то ведь он...

— Да, дочь, принеси ещё лучше. Из дальнего ящика кладовой.

— В сумке что-то вроде ножа, вам лучше его достать сразу, если решите защищаться, — Белояр кивнул в сторону сумки, когда Анна ушла в здание.

— Что?

Барс молча открыл сумку с телеги, достал оттуда короткий кухонный нож, замотанный в какую-то тряпку желчного цвета, и передал Руслану.

— Это... Анна, наверное... — Руслан посмотрел на Барса, затем обернулся к таверне, откуда уже возвращалась Анна с небольшой связкой, и быстро спрятал нож за пазухой.

— Ой, спасибо, дочка, а то мужикам в дороге есть много надо, да? Ну ладно, мы поедem, пока не поздно, — трактирщик по-отцовски обнял Анну.

После этого он сел на козлы повозки и взял поводья. Барс устроился рядом. Повозка слегка качнулась. Подушки, что до этого положил трактирщик, были не слишком мягкие, но точно спасали от заноз в причинном месте. Руслан дернул поводья, и они спокойно поехали в сторону южного выезда из Аймвала. Обычно, в более-менее отстроенных городах, на выездах в сторожке дежурит хотя бы один бодрствующий солдат. В Аймвале жалование охраны урезали, из-за чего сейчас на южном въезде мирно дремал одинокий стражник. И это еще считалось удачей. На северных воротах охрана появлялась лишь по четным дням. Даже удивительно, что бандиты так редко заглядывают сюда.

Это спокойно рассказывал Руслан Белояру. А Белояр думал о том, что если бы ему заплатили, то не только Радим и Манве тут полегли бы. Он спокойно мог вырезать весь город еще до рассвета и не встретить даже минимального сопротивления. Просто ради веселья. Но ему не заплатили.

Повозка была уже почти у выезда, когда они заметили впереди дворфа, что брел к тем же воротам. Что-то многовато дворфов в этих краях. Казалось, он был совсем стар: его седую бороду можно было разглядеть даже со спины, настолько сильно она покачивалась из стороны в сторону и по ощущениям была длиной почти до земли. Одет он был просто, но удивительно чисто. Шел медленно, слегка ковыляя, опираясь на плотную древесную трость. Белояра что-то зацепило в этом дворфе, но он пока не мог понять что. И это точно не было похоже на чувство, что вызвал его сосед по постоялому двору. Тот излучал опасность взглядом, однако эта опасность была сродни той, что исходила и от самого Барса. А вот этот старик... От него шла ужасающая аура, даже на расстоянии и со спины. Белояр почувствовал, как его шерсть, сейчас скрытая, встала дыбом.

— Эй! Путник! Куда путь держишь? Подвезти? — пока Снежный рассуждал о природе этого старика, Руслан умудрился привлечь его внимание.

— Чего, едрить твою? Ты че орёшь, проשמандовка? Какое тебе дело, куда я путь держу, мухоблуд? — дворф обернулся и посмотрел на Руслана из-под своих густых седых бровей, сейчас выражавших глубокое недовольство.

— Ой, дед, чего ругаешься? Я, может, подвезти хочу. Мы вот в Голомашки едем. Если тебе по пути, так давай запрыгивай, а то трость сотрёшь.

Дворф бодро, хоть и медленно, залез в повозку и устроился прямо на одну из пустых бочек, свесив ноги. Трость держал крепко.

— Ну че встал, баляба? Поехали, нечего мою жопу тут распрямлять, едрёна мамашка.

Руслан, чуть приоткрыв рот от количества наглости, что внезапно обрушилась ему на голову, всё же решил промолчать и просто вдарил по лошади — путь предстоял неблизкий. В его голове, наверняка, уже зрела мысль, как бы скинуть этого вредного старика. Барс же, по праву нанятого в качестве охраны, следил за ним. Хотя что-то в этом снорливом деде всё ещё его тревожило.

Проехав в тишине примерно пару часов, старик вдруг начал бить ногами и тростью по бочке, на которой сидел. Белояру было плевать, но он заметил, что вена на лбу у обычно задорного Руслана становилась всё толще.

Тук. Тук. Тук. Бдынъ. Шлёп. Тук. Тук. Бдынъ.

— Может, хватит?! — терпение Руслана явно подошло к концу.

— Хватит, пеньтюх, что? У меня на жопе фуфлыга сейчас появится, и буду хохрить.

— Слушай ты сюда! Если ты не перестанешь, то я... то я выкину тебя из повозки и не посмотрю, что ты старик! Я, между прочим, тебе помощь оказал, а ты себя ведёшь...

— Слышь ты, сиволап, угрожать будешь тетёшке своей, а мне тут не ерепенься, захухря. Да ты мне на один зуб, чужеяд. Или че, страхолюду псовому своему прикажешь? Подушку дай мне и выпить, баляба! Быстро!

По какой-то причине барсу даже стало интересно. Таких ругательств он не слыхивал уже давно, да ещё и в таком количестве. Особенно учитывая, что старику и правда было не на что ругаться. Видимо, это был один из тех, для кого повозничать и повредничать — почти что развлечения на празднике. Барс спокойно достал бурдюк с водой, вытащил подушку из-под себя и протянул дворфу.

— Белояр. Он Руслан. А вы?

— Какое тебе дело до моего имени, псоватый, — дворф вырвал бурдюк и подушку и стал пить. Пил долго. Пока весь бурдюк, который Белояр заранее подготовил для себя, не опустел. Потом кинул его на дно повозки. Белояр спокойно протянул руку, поднял обратно и перед тем, как убрать, коротко принюхался к тому месту, где старик держал бурдюк.

— Значит, старик. Куда путь держишь, старик?

— Не твоё кошачье дело, вонючий вымесок. Лучше бы пива дал вместо пресной воды.

Барса совершенно не раздражало, что дед продолжает обзывать всё и всех вокруг. Но то, что старик, похоже, знал о его внутренней стороне, слегка напрягало. Он не стеснялся своей природы и даже использовал её, когда нужно. Да и выпирающий клык с кошачьими глазами могли выдать его не только таинственному деду. Однако теперь он понял, что в нём смущало. Запах. От деда исходил не обычный человеческий запах. Не звериный и не иной привычный. Он пах грозой и дождем, металлическим, едва уловимым ароматом. Это не давало понять, кто именно этот дед. Скорее всего, колдун.

— А ты что, вчера не напился на празднике редиски? — Руслан, кажется, немного успокоился. Спокойствие наёмника и его пыл приглушило.

— Да там моча коня, а не пиво, глуподырый. Меня чуть не вывернуло от этой епронии.

— Это были последние запасы с дна бочки... В Голомашках хорошая пивоварня, пиво достойное. Ко мне просто перевозчик долго не приезжал. Вот и попортилось.

— Так это твоё пиво, падаль ты стоеросовая? А я думал, что это свербигузка сисястая на тебя похожа. Дочь, что ли?

— Да я тебя!..

Барс спокойно перехватил его руку, уже готовую развернуться и врезать похабному деду. Посмотрел Руслану в глаза и едва заметно качнул головой: не стоит.

— Старик, не стоит так говорить про детей. Приедем — договоримся о пиве.

— Ха-ха, скоблёное рыло, ну ладно. Ты мне по нраву. Так и быть, не буду ничего говорить про детей этого растопчи. Хотя и зверьё ваше я тоже не выношу, воняете падалью из пасти, — ухмылка старика стала даже немного зловещей.

Оставшийся путь к пивоварне прошёл примерно так же. Старик то хотел опорожниться, то ему было твёрдо, то холодно, то жарко. Руслан перестал реагировать на его выкрики и решил прикинуться ветошью. Барс почти весь путь молчал, изредка отвечая. Погода становилась всё тревожнее: сначала простые облака, за ними тяжёлые тучи. Но дождя всё не было. Руслан нервничал, боясь, что ливень накроет их раньше, чем они доберутся до места.

К вечеру повозка наконец выехала к хмельным полям вдоль извилистой дороги. Людей на полях видно не было. Белояр жестом велел Руслану остановиться и спрыгнул с повозки. Тот, конечно, пытался узнать, в чём дело, а дед продолжал чертыхаться, но барс не спешил никого просвещать. Он учуял запах крови неподалёку. Пройдя в поле буквально десятков шагов, он наткнулся на тело женщины. Одета просто, по-крестьянски. Видимо, работница с этих полей. На шее истерзанная рана. Вампир. Кровь уже заеклась, а белёсые глаза распухали под личинками. Она была мертва дня два или три. Барс вернулся к повозке и жестом показал Руслану ехать. Сам он остался идти рядом. Так было быстрее реагировать в случае опасности.

— Что там?

— Труп.

— Что? Кто? Бандиты?

— Тихо. Идём.

Барс чувствовал по дороге ещё один трупный запах, но решил не проверять каждый раз. Дальше начиналась деревня. Первым стояло здание пивоварни: широкое, бревенчатое, с высокой крышей. Из открытых окон выбивался влажный аромат солода и кипящей варки. Рядом виднелся склад с навесом и аккуратно сложенными мешками. Дверь была приоткрыта, и внутри можно было разглядеть ровные ряды бочек. И несколько тел. Уже было довольно темно, но барс видел в темноте так же хорошо, как днём.

Чуть поодаль стояла мельница. Крылья двигались медленно и ровно, скрипели на поворотах. Вокруг мельницы лежали окровавленные мешки с зерном, и пара работников, судя по одежде, были брошены прямо на них у входа. Некоторые мешки валялись разодранными, зерно рассыпано. За хозяйственными постройками начинались деревенские дома: небольшие, рубленые, с низкими заборами. На дворах сушился хмель, развешенный на жердях. Чуть поодаль можно было заметить каменный колодец. Ни скотины, ни людей слышно не было.

Хотя запах пива мешал Белояру уловить детали, он уже понял: те, кто перебил местных, давно ушли. Остаться смысла нет. Руслан остановил повозку, слез с неё, взял факел и подошёл к одному из мёртвых работников.

— Я знал его. Это Виктор. Он как раз должен был привезти мне партию. Пусть Морана позаботится о духе твоём, — Руслан сложил свои рослые руки и прикрыл глаза.

— Этой старой карге плевать и на него, и на тебя, королюбый.

— Не удивлён, что ты даже богиню усопших умудряешься оскорблять. Тебе и так недолго осталось, побоялся бы.

— А почто мне бояться эту древнюю шлэндру?

Белояр уже успел осмотреть ближайшие здания. Это мясо стухло. Впрочем, если пожарить.

— Никого нет. Все мертвы. Осталось пара бочек и мешки.

— Вот же ёра лободрыльная... Как же уговор? Ты мне пива обещал, комок шерсти. Я тебе что, лудь или шаврик, чтобы терпеть это?

— Будет тебе пиво, старик. Приготовлю.

Даже Руслан оставил свою простую молитву о душах умерших и посмотрел с недоумением.

— Ах ты шиномра дырявая... ну хорошо. Но ежели опростофилишь...

— Я слово держу.

Барс приволок найденные бочки с тем, что не взяли убийцы, а также пару подготовленных мешков с солодом и хмелем. Пару пустых бочек он наполнил из колодца и водрузил на телегу. В одном из помещений нашёл мешок с травами. Судя по запаху, их тут добавляли в пиво при варке. Там же он заметил что-то похожее на записи по варке и большой черпак. Черпак он сунул за пояс, записи сложил в карман. Нашёл лопату и тоже водрузил на повозку. Пригодится. Старался сложить всё так, чтобы ничего не упало.

В это время Руслан пытался перетаскивать найденные трупы в одно место, чтобы потом накрыть. Дед же сидел на лавке у входа, ругаясь на всё, что делал Руслан, заявляя, что это совершенно бессмысленно. Глубокая ночь наступила, когда они закончили. Спать не хотелось, да и оставаться на ночлег в месте, где пролилась кровь, было не лучшей идеей.

Немного перекусив тем, что сложила Анна, и отдохнув у огня, Руслан предложил ехать назад всю ночь. Белояр молча согласился. Дед, судя по его речам, был далеко не в восторге. Однако выбора у него все равно не было. Куда он вообще изначально направлялся, так и оставалось загадкой, но теперь, похоже, ему придется ждать пива, которое приготовит Барс.

Ночной путь обратно прошел спокойно. Если не считать возмущений старика. Руслан ругался на бандитов, на Радима, который не защитил жителей подвластной ему территории, и даже на то, что теперь он не знает, где брать пиво. Другая пивоварня была по дороге в Житосмир, а ехать туда было дольше, чем день пути, да и бандитов на той дороге водилось намного больше. Еще и переправу через реку иногда портят. А значит, и злотых возьмут больше.

У Барса же в голове в это время рождался план. Он изучал, как варить пиво, по бумажкам. Сейчас было неважно, где собирать зерно или ждать, пока прорастет ячмень: уже дроблёный солод лежал в мешке. Залить горячей водой, прокипятить, добавить травы. Ну и время для брожения. Была маленькая заметка о том, что однажды молния ударила в бочку с несброженным пивом. Бочка, конечно, разорвалась, но тот, кто писал, попробовал пиво и заявил, что оно было готово.

Они приехали уже под утро. Дед дремал, Руслан зевал во весь рот. А вот Барс был бодр. Он мог не спать неделю, если требовалось. Он приметил очень удачный овраг между лесом и дорогой, совсем рядом с городом.

— Останови. Тут можешь доехать. За оплатой зайду позже, — Белояр уже спрыгивал с телеги, даже не дождавшись остановки.

— А ты куда?

— Я же обещал ему пиво сварить. Буду варить, — он начал вытаскивать из телеги всё, что было, кроме пустых бочек и тех, что уже с пивом. То есть ровно то, что он сам и прихватил с пивоварни.

— Чего ты меня разбудил, разхубник, чего приехали, что ли?

— Да, старик, спускайся. Будет тебе пиво.

Руслан решил не уезжать и посмотреть, что же собирается устроить этот молчаливый великан. Дед тоже остался сидеть на повозке, свесив ноги и наблюдая.

Барс начал работать. Взяв лопату, он вырыл углубление в земле на склоне оврага, размером примерно с тройку бочек. Взял пустые бочки и уложил их в яму. Алебардой в пару движений он пробил между ними отверстия так, что из трёх бочек получилась одна, пусть и кривая. Обломки убрал. Залил воду. Та стала слегка мутной — видно, из-за осколков и дерна, попавшего внутрь. Высыпал солод. Кинул добрую горсть трав. Перемешал всё той же алебардой. Потом с силой ударил древком о дно, чтобы выступающее лезвие вошло в грунт, а стальная рукоять торчала сверху, словно столб. После этого отошел к повозке.

— Старик, ударь-ка по рукоятке молнией.

— Как догадался, лободрыльный?

— Нюх хороший.

Дворф ухмыльнулся, слез с повозки и пару раз стукнул своей тростью по земле, держась за верхушку двумя руками. Никаких странных слов, ритуалов, взмахов руками или прочих выкрутасов, что обычно видел Барс у колдунов. Небо, недавно ясное, вмиг затянуло черными тучами. В них вспыхивали отсветы собирающейся силы. Молния ударила ровно в рукоять алебарды. Трава вокруг и края досок обуглились. Жиж в бочках закипела. Руслан выругался от неожиданного страха. Тучи так же быстро разошлись.

Спустя некоторое время Белояр подошел к месту варки и попытался вытащить алебарду. Чуть не обжегся. Теперь она была благородного матово-черного цвета. Подойдет. Он взял черпак.

— Старик, пробуй, — зачерпнул немного жижи и протянул подошедшему дворфу.

Тот взял черпак и отпил хороший глоток. Постоял, покривив ртом, затем сделал харчок с характерным звуком и расхохотался. Смех его отзывался грохотом грозы.

— Какая же отвратительная бурда, кошак. Такого ужасного пива я даже при зарождении этого ремесла не пробовал. Какой же ты смешной, Белояр.

Барс тоже попробовал то, что у него получилось. Да, это и правда было отвратно. Какая-то земляная, травяная и блевотная смесь заполнила рот. Удивительно, что старика это разве-селило.

Белояр и Руслан попрощались со стариком, который, по сути, даже не пытался быть вежливым и ещё пару раз оскорбил их напоследок, направляясь обратно на юг. Руслан расплатился с Барсом едой и ещё одним днём ночлега. Он всё расспрашивал, кем же был этот старик. Белояр молчал. Но был доволен собой. Впервые со времён своего побега из Нидрона.

Все же, не каждый решиться приготовить пиво в луже для бога.

Рассказ О... Козьем молоке. Часть 1

474 год после Озарения

— Аннушка! Иди скорее, смотри, что покажу! — глухой, но громкий муж

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.